

Чёрная королева:
ОПАСНАЯ ИГРА

Ляна Зелинская

Чёрная королева

Ляна Зелинская

Чёрная королева: Опасная игра

«Ляна Зелинская»

2022

Зелинская Л.

Чёрная королева: Опасная игра / Л. Зелинская — «Ляна Зелинская», 2022 — (Чёрная королева)

«Ирдион – древний Орден, призванный не допустить проникновения магии в мир людей. Её зовут Кэтриона и она служит Ордену. А её редкий дар – видеть память вещей, нужен сейчас, как никогда: похищена могущественная печать и рыцарей Ордена убивают одного за другим. Убийца скрытен и умён, он не оставляет следов, лишь букву «А», написанную углем на стене. И чтобы найти убийцу и печать, Орден отправляет Кэтриону в путь. Дело не терпит огласки и она должна действовать тайно. Но судьба подбрасывает ей неожиданного попутчика. И, кажется, что он враг, но он спасает ей жизнь. И ей бы его бросить, а она спасает жизнь ему. Кто они друг другу? Заклятые друзья? Верные враги? Вынужденные союзники? Судьба снова и снова сводит их вместе, и с каждой встречей им всё труднее расставаться...»

© Зелинская Л., 2022

© Ляна Зелинская, 2022

Содержание

Часть 1. Никто не верит в случайности	5
Глава 1. Плохой сон	5
Глава 2. День не задался	10
Глава 3. Как проходит удачный день	18
Глава 4. Ирдион	29
Глава 5. Все хотят быть в курсе событий	38
Глава 6. Наваждение	46
Глава 7. Сны и воспоминания	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ляна Зелинская

Чёрная королева: Опасная игра

Часть 1. Никто не верит в случайности

Глава 1. Плохой сон

Огонь был живым.

Он вырвался на волю и помчался оранжевой змеей вверх по лестнице, взметнулся по стене, разукрасив черными потеками копоти перламутр ассийской штукатурки, обвил балясины, слизал кисейную занавеску и скользнул к потолку по тяжёлому шёлку портьер. Расползался в стороны, пожирая мягкий ворс зеленого ковра и резные ножки изящного столика. А бумаги, сорванные со стола горячим ветром, сгорали еще в воздухе, не долетая до объятых пламенем пола.

И поначалу это было даже красиво, на какое-то мгновение огонь был чист и прозрачен, и растекался по полу жидким золотом всех оттенков.

Это потом комнату заволокло едким дымом, золото исчезло, и потянуло смрадом горячей кожи и волос. Чёрные лохмотья ткани трепетали и металась от жара, и пепел кружил под потолком гостиной. Это потом он слышал душераздирающие вопли, но веревки держали крепко. Хотя не настолько. То ли страх придавал сил, то ли храмовники вязали тонкие детские руки не так часто, но он ослабил путы и выбрался уже тогда, когда от нестерпимого жара, казалось, на лице лопнет кожа. Дышать было нечем, и он метнулся к окну, даже не выпрыгнул, выбросился вместе с ажурной рамой. А следом за ним, глотнув свежего воздуха, пламя вырвалось наружу с радостным ревом.

Он упал на мягкую землю клумбы, прямо на мамыны незабудки, вдохнул судорожно раз... два... три, и хотел бежать обратно. Успеть спасти их. Но огонь не пустил. Огонь не любит делиться своими жертвами.

Он не кричал – выл. Хрипел. Сгребая пальцами землю вместе с раздавленными цветами, едва осознавая реальность происходящего. И не понимая до конца, что всё уже необратимо.

Но огонь его не слышал. Ирдионский огонь беспощаден. И быстр.

Фасад с пологом из дикого винограда почернел, исчезли в дыму массивные колонны подъезда и арки летней террасы с плетеными креслами и столом. Лишь белая грудь журавля в золотом колесе – символа дома Азалидов, парившего на мачте главной башины, долго прорывалась через плотную завесу дыма, совсем как нос корабля сквозь штормовое море.

Три этажа, объятых пламенем, полыхали так, что ему пришлось отползти дальше, в фигурный сад из аккуратно стриженных кустов самшита, и лежать, уткнувшись в белый гравий дорожки, беззвучно рыдая.

Потому его и не заметили.

Он наблюдал, как они ходили, переговариваясь и показывая руками в перчатках на дом и пристройки, которые тоже горели, и слышал их голоса. Сквозь прореху в кустах – а мама, помнится, ругала садовника за то, что он неаккуратно их постриг – он видел, как волокли связанного отца и бросили к ногам седовласого на усеянную пеплом траву лужайки. Губы разбиты и один сапог потерялся, а белая льняная рубашка измазана кровью и землей. И лицо чёрное от сажи, а по нему две дорожки от слез. А рыцари Ирдиона стояли над ним как ни в чем не бывало. Сапоги со шпорами, белые плащи, бурые понизу от жирной таласской глины,

кольчуги, на которых играли блики пожара, мечи и бутылки с жидким ирдионским пламенем. Голова сокола, вышитая на крагах – символ Ордена.

Он запомнил их всех. Каждого...

– Рикард! Рик! Да проснись же ты! Задохнешься!

Кто-то тряс его за плечи, и, вываливаясь из удушающих объятий кошмара, Рикард даже успел услышать свой собственный судорожный кашель и хрип, доносившийся будто издалека. Рывком сел на кровати, схватившись рукой за лицо. До сих пор ещё казалось, оно пылает от жара.

– Сон, – лаконично произнес Альбукёр, подавая ему кувшин и стакан.

Рикард дышал прерывисто и часто, понимая, что да, это сон, но запах дыма всё ещё стоял в ноздрях, и, перехватив кувшин, он отхлебнул прямо из горлышка, чувствуя, как расслабляется скованное спазмами горло. Выдохнул, наконец, и остальную воду вылил себе на голову.

– Дамочка дожидается внизу.

– Что? Какая дамочка? – прохрипел он, стирая ладонью с лица капли вместе с остатками липкой паутины сновидений.

– Мне почем знать. Сказала – от Найда.

Чёрные глаза Альбукера ничего не отражали. И лицо невозмутимое, мрачное, обычное для старого таврака тоже. Он развернулся и вышел из комнаты. Сегодня он еще оказался многословен, сочувствует, видимо, хотя такое бывает и нечасто.

Кошмар с каждым годом приходил всё реже. Время, видимо, все-таки лечит, хоть Рикард и не верил в это раньше.

Он пригладил волосы руками, глянул в зеркало – синие глаза налиты кровью и горят безумием. А пальцы левой руки едва разогнулись, с такой силой он сжимал её в кулак. Потер ладонями щёки, оделся и спустился вниз. В груди саднило.

Демоны Аишиа принесли с утра какую-то бабу!

Услышав его шаги, дамочка зарыдала. И он сразу понял, зачем она здесь. Либо для неё нужно кого-то убить, либо кто-то хочет убить её, ну или её сына, дочь, племянника, племянницу, любовника, любовницу – неважно.

Они почти всегда рыдают. И их сыновья всегда невиновны. Или они сами невиновны в том, что кто-то хочет убить их. Вот что бы они ни сделали, а невиновны. Или те, кого хотят убить они, само собой, виновны. Причем, без суда.

Да ему какое дело? Ему плевать. А вот Альбукер, зараза, зачем-то пустил её прямо в гостиную. Хоть бы чаю ей налил, что ли, или вина. Всё бы обошлось без слёз.

Рикард терпеть не мог женских истерик.

Но Альбукер, как обычно, прятался или в своей каморке за лестницей, или на кухне с кальяном полным какой-то одной ему известной таврачьей дряни, от которой режет глаза, хочется кашлять и весь дом пропах дерьмом. Но что поделать, зато он служит бесплатно, не крутится под ногами и вопросов никогда не задает. А еще – не болтает.

Женщина плакала. Не сказать, чтобы рыдала, скорее плач её был театральным, тренированным годами жизни с нелюбимым мужем и от этого еще более противным. Она прикладывала батистовый платочек с монограммой попеременно то к одному глазу, то к другому, и вздыхала так, словно вся тяжесть мира лежала на её плечах. Но платье на ней было новым, из синего маслянистого шелка, а сумочка, из бежевой кожи с золотой вышивкой, стоила не меньше пяти тысяч ланей. Дама была состоятельной. И немолодой. Да и не то, чтобы старой – скорее усталой, но следившей за собой, и поэтому возраст её был неопределенным.

Значит, все-таки дуэль. Любовник и муж? Вряд ли. Скорее, любимый сын набирается первого опыта поруганной чести.

Рик покосился на часы – как долго он проспал! А его ждет Тибальд. И более важные дела, чем застучать за чьего-то отпрыска. Но все-таки... деньги тоже не помешают.

Альбукер появился из кухни с кофейником и чашками.

Надо же, и вправду переживает за него! Сподобился кофе сварить.

Дама скосила глаза на молчаливого таврака, отхлебнула из маленькой чашки и, видимо, оценила его старания – кофе был отменный. Рикард слушал гостью вполуха, заливая густым напитком отвратительный клубок в желудке, оставленный недавним кошмаром.

А ноздри до сих пор ощущали гарь. И запах паленой кожи...

Проклятье! Ему нужен свежий воздух.

– Послушайте, миледи, ближе к делу, мне всё равно, виновен ваш сын или нет, – наконец, прервал он поток объяснений, – вы платите – я дерусь.

– Но он и правда не виновен! – всхлипнула гостья.

– Я вам еще раз повторяю: мне все равно. Вы платите – я дерусь.

– Почему? Почему вы вообще это делаете? – воскликнула она и всплеснула руками.

Вот уж глупый вопрос.

– Делаю – что?

– Позволяете убить себя за незнакомого человека?

– Во-первых, я же сказал – потому что вы платите. А во-вторых, кто сказал, что я позволю себя убить?

– Но... если... вдруг... он убьет вас... я же... возьму грех на душу! Вы должны знать хотя бы за что!

Дама переживает за себя. Понятно.

– Вы так спрашиваете, миледи, как будто хотите, чтобы он всё-таки убил не меня, а вашего сына? Как-то путано, не находите?

– Нет! Нет! – и она снова прижала платочек к глазам.

Каждый раз одно и то же. У него же на лбу написано – ему плевать! Но им надо излить душу. Извиняются, что ли, заранее... Вдруг его убьют? А ей потом гореть в очищающем пламени или в смоле вариться, или куда там ещё отправляет грешниц святой отец на утренних молитвах и проповедях в храме! Можно подумать, от того, что он будет знать причину убийства, оно от этого перестанет им быть. Да и не верит он в очищающее пламя. Пламя не очищает...

Но дама снова хотела зарыдать, и он смягчился.

– Ну, хорошо, хорошо. Так что сотворил этот глупец – ваш отпрыск?

– Он не глупец, он – умный мальчик! Он в университете учится у парифика Сирда, он станет астрологом! И он... он вступился за честь дамы!

Хреновым астрологом, видимо, раз вступился за... честь дамы, не сверившись со звездами.

– Вот и скажите, миледи, как умный мальчик мог вступить за столь эфемерное нечто, как честь дамы?

– Вы – невоспитаны!

– Я? Плохо воспитан. Факт. Только из нас двоих идиот не я, а ваш сын. Хоть и будущий астролог. Это, надеюсь, была хотя бы его невеста? – спросил Рикард устало.

– Что вы! Боги милосердные, он же еще мальчик! Она была... просто... женщина.

А этот будущий астролог и в самом деле, идиот...

– Десять тысяч ланей, миледи.

– Десять?! Боги милосердные! Почему так дорого?

– Помилуйте, миледи, женскую честь в некоторых местах этого города можно купить и по пять ланей. Дамскую по тысяче. И если за такую эфемерную вещь, как честь неизвестной дамы, ваш сын готов был заплатить жизнью, то подумайте, сколько же должна стоить сама его жизнь? Ну, а моя, к примеру, в десять раз дороже.

– Вы что же, оценили жизнь моего сына в одну тысячу? Так дешево?! – возмутилась она искренне.

– Ну, дамская честь продается и того дешевле. Про тысячу ланей это я уже так, приукрасил.

– Вы просто чудовищно невоспитаны!

– Это да. Но вас, миледи, не поймешь, то дешево, то дорого. Десять тысяч – и я весь ваш, – он развёл руками. – Или же прошу извинить, у меня есть и другие дела.

– Хорошо, – она промокнула платочком щеки и, стрельнув глазами, добавила с притворной беспомощностью в голосе, – я согласна. Но, может, хотя бы семь?

Демоны Аиша её задерж! Он убьет Альбукера за этот глупый визит. Зачем он вообще её пустил? Она ещё и кокетничает с ним, вот уж что ему без надобности, так это её заигрывания!

– Миледи, торговаться пристало лавочникам, а не благородным господам, пусть один из них и плохо воспитан. И мне, кстати, нужна предоплата. Полная.

– Но... у меня нет с собой... сейчас... всей суммы. Может, сначала половину, и вы пока поверите мне на слово?

Ах, эти милые уловки! Найдь ведь наверняка сказал ей цену. Или она надеется, что его убьют и денег отдавать не придётся?

– Поверю, но ничто так не вселяет веру в человека, как предоплата, миледи. Десять тысяч – и я весь ваш.

Она вздохнула, открыла сумочку, достала деньги, и аккуратно сложила на край стола. Так близко к краю, словно надеялась, что они запрыгнут обратно в сумку, как только она встанет.

– Время, место. Имя. И оружие.

– Старые скотобойни, сегодня на закате. Кадор Аркимбал. И, кажется, баритты, – она шмыгнула носом, как-то разочарованно.

Демоны Аиша! Надо было просить двадцать тысяч.

Благоразумие шептало – откажись.

Драться с племянником городского главы – только наживать врагов, избавиться от которых потом будет стоить дороже десяти тысяч. Да, щенок Кадор заносчив и нагл, и дерётся по пять раз на неделе, и его, конечно, давно бы следовало проучить. Но он не любит проигрывать, и обычно выбирает более слабых противников. А то, что твой противник слаб, всегда придает ложное ощущение всемогущества. Но в то же время он и умен. Старые скотобойни – место идеальное. Ведь после королевского запрета на дуэли каждый желавший удовлетворения назначал встречи в тальнике по берегу Тароны. И до того дошло, что уже места эти были всем известны и дороги к ним проторены. Разве что дамы не сидели на лавочках под кружевными зонтами, ожидая развлечения. А заодно туда любила наведываться и Тайная стража – хватать незадачливых драчунов. Сто тысяч штрафа – сумма немалая, и вся идет в казну Тайной стражи, и даже дурак бы катался каждое утро к реке при таком улове. Ну а скотобойни – другое дело. Какая радость быть убитым на скотобойне? Никакой. И чести мало. Но умные люди ходили именно туда.

Видимо этот юный прыщ сильно насолил Аркимбалу. И тот точно намеревался его убить, раз решил встречаться в таком месте. А значит, драться придется серьезно.

Откажись – снова шепнуло благоразумие, и он всегда его слушал. Но не сегодня. Сегодня Рикард послал благоразумие к демонам. Недавний кошмар всё ещё жег внутренним огнём, давил на глаза и опалил ноздри изнутри, и хотелось выплеснуть его куда-то. А подрасться – это лучший способ остудить голову.

– Хорошо, миледи, я убью его для вас.

– Нет! Нет! Не надо его убивать! – дамочка вскочила. – Можно его просто... ранить? Достаточно же этого для... удовлетворения?

Смотря чьего. Еще, что ли, пять тысяч попросить?

– Можно и ранить.

– Пообещайте, что вы его не убьете?

Она считает его идиотом? Он что, похож на того, кто убьет племянника городского главы при свидетелях всего за десять тысяч?

Пора заканчивать этот визит.

– Хорошо, миледи, я его не убью. Ради вас. А теперь прошу извинить, но меня ждут.

Она ушла, оставив за собой густой запах духов и мыла: ваниль, жасмин, лаванда и розовое масло...

Демоны Аиша, зачем так много всего?

Рикард почувствовал, как в голове начинает пульсировать боль – обычные последствия кошмара. Поверх духов снова потянуло дымом и тяжелым кальянным духом. И он знал, что этот запах будет преследовать его сегодня весь день.

Скорее на воздух.

Он смахнул деньги в ладонь, схватил плащ, баритту и шляпу, и стремительно вышел на улицу.

Может, он и не убьет Кадора Аркимбала, раз обещал даме, но едва ли тому понравится нынешний вечер.

Глава 2. День не задался

В каждом приличном борделе Коринтии и Побережья всегда три двери.

Первая – массивная, парадная, разукрашенная киноварью или лазуритом, с вывеской и шелковыми красными флажками, трепещущими на ветру, выходит, как правило, на шумную улицу. И манит заглянуть, распахнув призывно свои створки, за которыми колышутся неспешно кисейные занавеси, давая ухватить любопытным взглядом лишь кусочек пёстрого ковра у входа, золоченые статуи, а если повезет, то и голую ногу одной из местных девиц.

А остальное... если хочешь увидеть всё остальное – плати. И огромный бородатый страж с ятаганом на поясе – бордельный пес, недвусмысленно об этом намекает. И эта дверь зазывает и притягивает путешественников, моряков, торговцев и всех тех, кому незачем прятать свои пристрастия за рамками приличий и морали.

Вторая дверь, выходящая обычно во внутренний двор, а оттуда в глухой тёмный переулок – для прислуги, мясников, портних и торговцев, доставляющих бордельной экономке всякую снедь, и ещё для тех из гостей, кто желает остаться инкогнито.

А вот третья – для таких, как Кэтриона.

И не дверь даже – то ли дыра в стене, то ли окно голубятни, в которое протиснуться можно только согнувшись пополам, пройдя по задворкам лавки зеленщика между корзинами с капустой и артишоками, сквозь облака мошкеры, зловоние гнилого лука и ещё чего-то кислого, видимо, дрянного вина.

Солнце уже касалось горизонта, и в этих закоулках было темно, хоть глаз коли. Спотыкаясь, Кэтриона пробиралась наощупь, шёпотом ругаясь сквозь зубы.

Голуби, удивленные её внезапным вторжением, всполошились было, но разлетаться не стали, отодвинулись на своих жердочках, недовольно поглядывая на странную вечернюю гостью. Слишком уж часто их балуют объедками с бордельной кухни. Да и не трогает их никто, кроме, разве что, рыжего кота, которого тоже балуют объедками, отчего он толст и ленив и не гоняется за голубями, а только смотрит на них снизу вверх с тихой печалью в глазах.

– Шш-тоб тебя! – Кэтриона едва не наступила на длинный рыжий хвост, перелезая через нагромождение старых корзин.

Пол был густо усеян голубиным пометом, но это мало её тревожило. Она неделю провела в седле и воняла потом – конским и своим. У неё закончились деньги, хоть и сэкономила, как могла, даже украли пару лепешек, косичку копченого сыра и горсть фиников у лавочника три дня назад. Красть, конечно, устав Ордена позволяет, но в крайних случаях. И она посчитала этот случай крайним, но и этой добычи оказалось маловато для трех дней пути. А теперь вот лошадь расковалась и захромала, и она пять квардов тащила до Рокны пешком, ведя её в поводу до кузницы на Мельничной улице. Так что новая черепичная крыша борделя мистрессы Тайлы была просто отрадой её сердцу. Ведь здесь она могла сделать три главных вещи: поесть, помыться, поспать. И это, пожалуй, единственное место, где до неё никому не будет никакого дела.

В этот раз поездка вообще вышла паршивой. А новости, которые она везла в Орден, были и того хуже.

Кэтриона толкнула заднюю дверь чулана и оказалась в коридоре под лестницей.

Из большого зала доносилась музыка: играли дзунá и клавесин, слышался мужской гогот и тонкий женский смех, временами переходящий на визг, а со второго этажа – стоны и крики. Судя по звукам, бордель был полон.

Пахло жареным мясом, табаком и духами. Коридор освещали три масляных лампы с большими колпаками из желтой слюды, и свет, падавший на стены, затянутые красным шелком, рассыпал по ним разноцветные блики. Прямо напротив лестницы висела картина весьма

фривольного содержания, но Кэтриона не обратила внимания ни на неё, ни на неестественные стоны, долетающие откуда-то сверху, лишь махнула рукой служанке, пронёсшейся мимо неё по коридору на кухню. Возвращаясь, та остановилась, стирая пот с покрасневшегося лба и удерживая в руке четыре кружки пива.

– Мистрессу Тайлу позови, но так, чтобы никто не слышал. Скажи, буду ждать её здесь, под лестницей.

– Да, миледи, я мигом, сейчас только пиво отдам, господу уж больно ретивые сегодня!

– Кто там такой шумный?

– Гильдия оружейников гуляет и с ними ещё псы из Сумрачных, кажется. Не запомнила я их всех.

Кэтриона привалилась к стене в ожидании хозяйки борделя. Дорога в Рокну через Таласское нагорье вымотала её совсем. Неделя пути от одной деревни козопасов к другой, спать приходилось хорошо если на овечьей шкуре, а питаться чем Дуарх послал. А последние три дня и деревни закончились, и дорога стала совсем пустынной. По эту сторону гор люди селились ближе к морю.

Ноги просто гудели, и Кэтрионе хотелось лечь прямо здесь, под лестницей, и поспать хоть немного. Но мистресса появилась быстро.

Когда-то она была, видимо, редкой красавицей, и Кэтриона часто думала о том, какая судьба привела её в бордель. И даже сейчас несмотря на то, что возраст был уже заметен на её лице, она всё ещё сохранила прежнюю красоту и стройность. Затянутая в чёрный корсет, в сапогах и красной юбке с разрезом, открывавшим ногу в ажурном чулке, она шла с грацией королевы. Ходили слухи, что к ней до сих пор навещаются любители определенных утех, те, что любят примерить седло на спину, уздечку и не прочь отведать кнута. Впрочем, это могли быть и просто досужие сплетни, но в том, что мистресса Тайла могла отходить кого-нибудь кнутом – в этом Кэтриона нисколько не сомневалась. Потому что однажды случайно прикоснулась к перстню на её мизинце.

Металл и камни хранят память лучше всего.

Кэтрионе всегда казалось, что прошлое человека похоже на колодец, и каждый раз падение туда было неприятным. В тот раз она закрылась быстро, но Тайла поняла – она теперь знает её историю.

Обедневший род, много детей. Старшая дочь – редкая красавица. И мать, желающая пристроить её замуж любой ценой. Дом полный сомнительных гостей, но кому нужна дочь-бесприданница? Поспешное замужество с тем, кто все-таки посватался, и стремительный отъезд в Рокну.

Вот только муж оказался мошенником и картежником. И через две недели после свадьбы предложил покрыть карточный долг, уступив ночь со своей женой. А потом ещё раз, и ещё. Он запирает её в съёмной квартире и даже туфли забрал, чтобы не сбежала. И бросил её на пятом месяце беременности, когда это стало слишком очевидно.

Потом она научилась продавать свою любовь подорожжю. Оставила сына на попечение кормилицы и стала копить деньги, чтобы купить жильё. Возвращаться ей было некуда. А однажды её заметил один из аладиров Ордена. Так она и стала мистрессой.

Бордель – лучшее место, чтобы узнавать чужие секреты, и Орден щедро платил мистрессам за эти услуги. И в каждом борделе любому рыцарю Ирдионского Ордена всегда находилась еда, кровать, лекарь и деньги. А главное – возможность прийти и уйти незаметно, потому что у Ордена много врагов. И Тайла быстро поняла, сколько возможностей может дать покровительство Ирдиона.

Сейчас она богата, а её взрослый сын живет в Иртане. Все эти годы он думал, что его мать умерла, а тётя Тайла – старая дева и её сумасбродная сестра, которая платит исправно за его обучение и иногда приезжает в гости. Он – примерный горожанин, держит

теперь аптеку и у него даже есть невеста. Так всё и останется. Потому что кому нужна такая мать?

А у Тайлы в её комнате на стене висит хлыст. Она умеет причинять боль мужчинам. И делает это с удовольствием.

Хозяйка борделя шагнула в густую тень под лестницу, пахло ландышем, миртом и розовым маслом.

– Тебя ждет мэтр Крэд, – тихо произнесла мистресса после обычных приветствий, – велел передать: как только появишься, чтобы сразу шла к нему. Он дважды заходил на днях, всё спрашивал, когда ты приедешь. Остановился тут рядом, на улице Мечников, в комнатах над аптекой. «Аптека Филó». Сказал – что-то очень важное, и чтобы ты пришла не мешкая.

Сзади кто-то прошел, шатаясь и бормоча ругательства, мистресса вынырнула из тени и, подхватив мужчину за локоть, подтолкнула к уборной.

– Сегодня просто безумие какое-то, оружейники и псы гуляют вместе. Выбрали нового главу Гильдии. И моих девочек не хватает, позвала даже из «Белой лилии», хоть они мне и не друзья, – выдохнула Тайла.

Кэтриона оттолкнулась от стены.

Проклятье! Ей просто безумно необходим отдых. Чего такого от неё понадобилось Крэду?

Мечты о том, чтобы помыться и поспать, видимо, придется отодвинуть подальше.

– Я перехвачу что-нибудь на кухне, – произнесла тихо, – три дня впроголодь, один сплошной козий сыр, я скоро бляеть начну!

– Только быстро, а ближе к ночи возвращайся, эти перепьются все и угомонятся, я велю Даэле приготовить тебе комнату.

– И горячую ванну! – шепотом воскликнула Кэтриона.

– И горячую ванну, – усмехнулась мистресса, – я помню, что из всех соколов Ирдиона ты одна просишь сначала ванну, а потом всё остальное.

Что поделать, любит она горячую воду! Да и не сокол она в Ордене, а сова, но мистрессе без разницы.

Она бросила в чулан седельную сумку, плащ и оружие, и прошла на кухню.

Рукомойник! Какое счастье! Ещё бы сапоги снять.

Вымыла руки и лицо. К Крэду придется идти пешком – лошадь осталась у кузнеца дожидаться лекаря. Правда, тут недалеко, но ноги ныли нестерпимо. И ей казалось, что если сейчас она сядет на стул, то встать уже не сможет.

На столе возвышалось блюдо жареных цыплят, и Кэтриона, миготом оторвав ногу у одного из них, заглянула в пару кастрюль, взяла тарелку, ложку и, налив похлебки, села на стул, прилонившись плечом к углу печи.

Святая Миеле! Наконец-то человеческая еда! Как же она устала! Крэд, пес тебя задерит, что такого важного могло случиться?!

Она ела быстро, думая о том, зачем понадобилась младшему аладире Ордена, да так срочно, что он три дня уже её ждет.

Сзади за дверью взвизгнула Даэла и, бормоча что-то про пиво и господ, заскочила на кухню, а за ней ввалился кто-то, но Кэтриона не стала поворачиваться – лучше не привлекать внимание пьяных посетителей.

– А мне и ты подходишь, толстушка, я уже устал ждать, – пробасил мужской голос и раздался шлепок, но, судя по всему, Даэла увернулась и, поставив шумно пустые кружки, снова исчезла.

– А это что за персик? – обратился мужчина в сторону Кэтрионы. – Ну, Тайла! Мы всё ждем и ждем, а твои девахи вместо того, чтобы работать, прячутся на кухне и обедают!

И, прежде чем Кэтриона успела повернуться, мужская рука легла ей на шею и бесцеремонно стянула с плеча рубашку. А вторая рука тяжело опустилась на стол рядом с её тарелкой так, что стоящая поодаль корзинка с хлебом подскочила. И не рука – огромная лапища с грязными ногтями и заскорузлыми толстыми пальцами в завитках чёрных волос, доходящих едва ли не до ногтей.

В другое время Кэтриона бы увернулась, ускользнула, отшутилась и растворилась в коридорах борделя. Он бы и не понял. Но сегодня она была вымотанной настолько, что щиты ослабли, и она даже не заметила этого.

Он наклонился к её плечу, пахнув тяжелым винным духом, и припал губами к шее. Из выреза его рубахи вывалился серебряный бракетет на толстой цепи и коснулся голого плеча Кэтрионы.

Бракетет с головой волка.

Сумрачные волки – так они себя называют. А для Кэтрионы они просто псы – те, кто служит за деньги.

И этот бракетет – он так давно со своим хозяином... Столько воспоминаний...

Она провалилась в них внезапно, не успев закрыться. Упала будто в колодец мутной воды, и память, которую таила в себе эта вещь, хлынула на неё и потащила за собой...

Деревня. Сжатое поле ячменя. Снопья стоят аккуратно в ожидании обмолота. И старая стена овина, за которой бродят рыжие куры, а вдоль стены выстроились люди. Мужчина, лицо разбито в кровь, сжимает в руках старую шапку, а рядом беззвучно рыдает женщина, и дети – семеро, маленькие все ещё, только одна старшая, голубоглазая, волосы светлые, заплетенные в косу. Сколько ей лет? Одиннадцать?

– Уплачу, как только...

– Хозяин ждать не будет...

– ... неурожай, но в следующем году...

– Заберите кур...

– ... у меня больше ничего нет...

– И девочку! За неё дадут половину от твоего долга...

– Нет! Нет!

Удар хлыстом.

– У тебя вон их сколько, нарождаешь еще!

И снова удар. Девчонка кричит, но её бросают через седло, мать цепляется за стремяна и умоляет. Женщину отталкивают, и она падает на солому.

Далеко отъезжать не стали, спешили прямо за селом и потащили девочку в кусты...

Кэтрионе казалось, что колодец полон грязи. Полон криков и стонов тех, кого бил, убивал, пытал и насиловал тот, кто сейчас мял рукой её плечо. И она тонула в этой грязи, захлебывалась в ней, а колодец был так глубок, почти без дна...

Она вынырнула на остатках сил, судорожно глотая воздух, закрылась поспешно, кое-как. И её затопила ярость. Ледяная, холодная, как осколок горного хрусталя, воткнувшийся прямо в сердце, и такая сильная, что у неё даже пальцы задрожали, разжав деревянную ложку. Ей хотелось, чтобы под рукой оказалась баритта, секира, ятаган бордельного пса, камень, на худой конец, которым она могла бы размозжить голову этого подонка. Но её оружие осталось в чулане под лестницей.

Хотя был ещё кинжал в сапоге. И чтобы его достать и воткнуть в эту руку, опиравшуюся на стол, ей нужно лишь мгновенье. Одно крошечное мгновенье. И её ладонь сама скользнула на колено.

Но благоразумие останавливало и шептало, перекрывая дрожь отвращения:

Уйди, вывернись и беги! Он пьян и тебя не догонит. Это не твоя боль.

И она попыталась к нему прислушаться. Ведь всегда прислушивалась. Это и правда не её боль. И это не первая боль, которую она ощущает, прикасаясь к чужим вещам. Но она всегда чувствовала её, как свою. И каждый раз был как в первый.

Просто уйди.

Ведь мистрессе Тайле такое точно не понравится. Плохо для репутации заведения, когда посетителей борделя девицы тыкают кинжалами. Да ещё таких посетителей. И обладатель грязных ногтей непременно расскажет об этом на каждом углу. А ей оно надо?

Нет. Огласка ни к чему. Будет много крика, за ней погонятся, и их много. Сегодня она слаба и не сможет себя защитить, и если они её поймают, то сначала...

Она предпочла отбросить мысль о том, что они с ней сделают и в каком порядке.

Не сегодня, Кэтриона! Уходи!

Но откуда-то со дна того колодца всё ещё доносились крики, а бракетт, соскользнув по плечу вниз, коснулся её груди. И, казалось, он прожигает кожу каленым железом. Её щиты были слишком тонкими сегодня, чтобы устоять против этой древней вещи.

– Гайра? Гайра? Где тебя носит? – раздалось из коридора.

Его губы, испачканные куриным жиром, были совсем близко, и он провел языком по шее...

– А ты мне нравишься, – прошептал ей прямо в ухо и схватил рукой за грудь. – Какая красotka...

И она послала благоразумие лесом.

Сковорода вполне подойдет. Не будет же он говорить, что его огрели по морде сковородой в борделе? Тут точно нечем хвастать.

И, бросив недоеденную куриную ногу, Кэтриона сдернула сковороду с крючка на стене, не самую большую, а ту, в которой обычно жарят блины. Она оттолкнула стул, развернулась стремительно и огрела любителя хватать женщин за обедом прямо по небритому лицу, вложив в удар всю свою ярость.

Удар получился сильный. Настолько сильный, что мужчина отклонился назад, цепляясь за стул, сбивая блюдо с цыплятами, плоску с мукой и горшки жаркого, которые Даэла собиралась ставить в печь, и полетел на пол, хватаясь за лицо. Кровь потекла из носа, перемешиваясь с мукой, обильно заливая подбородок, серую рубаху, амулеты и пол.

– Гайра? Это что за хрень тут творится? – воскликнул появившийся на пороге мужчина.

Ещё один из псов. Высокий, жилистый, голый по пояс, и на его груди, покрытой густыми чёрными волосами, виднелся такой же бракетт с волчьей головой.

Мысли вспыхнули в голове все и сразу.

Бежать. И очень быстро.

Через чулан не успеет, только через парадную дверь. Там коновязь, взять одну из их лошадей. Свой меч взять тоже не успеет, но ей и не победить их всех.

Оружие посетители отдают бордельному псу, и тот прячет его в своей камерке, значит, они не вооружены, но у каждого, наверняка, спрятано по кинжалу где-нибудь в сапогах или поясе.

Впрочем, сковорода сгодится. А лучше две.

И словно в подтверждение её мыслей, вошедший выхватил кинжал из сапога.

– Ах ты, шлюха! – взревел Гайра. – Убью! Держи её, Драдд! Эта сучка мне нос сломала!

Ярость придала ей сил. Кэтриона мигом сдернула со стены вторую сковороду, перевернула ногой стол прямо на пытавшегося подняться Гайру, и прыгнула, точно кошка, со звериным рыком на этот стол и оттуда вправо. Гайра заорал, разлетелись горшки, Драдд размахнулся стулом и попал ей по бедру, она потеряла равновесие и ударилась плечом о шкаф с посудой, и откуда с грохотом вывалились тарелки. Драдд попытался достать её кинжалом, но она отбила

его выпад сковородой, а другой ударила наотмашь куда-то в подбородок и, выпрыгнув в коридор, бросилась бежать.

Быстро. Очень быстро.

Они были пьяны, и в этом ей повезло.

Выскочила в общий зал и, оттолкнув одну из женщин, рванула к парадной двери. Бордельный пес, услышав грохот, доносившийся из кухни, поднялся со своего стула, берясь за ятаган, но слишком медленно – получил удар в пах и согнулся пополам. Женщины взвизгнули, кто-то ругнулся, музыка резко оборвалась. Кэтриона выскочила на крыльцо и уже в дверях слышала разъяренные крики Гайры.

– Держи её! Держи, сучку! Убить шлюху! Нет! Живой! Взять её живой!

Все всполошились, как в растревоженном улье.

Кэтриона захлопнула створки парадных дверей и, заперев их ручкой метлы, сдернула с крюков на коновязи поводья всех лошадей. Вскочила на ближайшего гнедого жеребца, уже слыша, как ломается под натиском ненадежная преграда и из-за двери рвется взбешенный голос Гайры:

– Я тебя всё равно поймаю! Шлюха! Я найду и убью тебя!

Она прихватила одну из сковородок, как своё единственное оружие, свистнула и хлестнула лошадей кнутом. Понеслась по улице вниз к порту, увлекая их за собой и проклиная на все лады сегодняшний паршивый день.

Через три квартала Кэтриона свернула налево и остановилась в тени густых каштанов, разглядывая надпись на стене – «улица Мечников». Лошади псов унеслись вниз по Портовой улице, погони за ней не было, да уже и темнело. Она осмотрелась и увидела через дорогу двухэтажный каменный дом, скошенный с угла, где над зелеными дверьми висел большой фонарь и вывеска: «Аптека Фило». С недавних пор королевским указом предписывалось, чтобы над всеми лекарнями и аптеками по ночам горели фонари.

Хоть какая-то польза от королевских указов.

Она прислушалась ещё раз – погони нет. Спешилась, прошла к воротам во двор, находившимся чуть поодаль, справа от фонаря, и набросила поводья на крюк. Густые заросли мирта скрыли лошадь, и Кэтриона постояла немного в темноте, прислушиваясь к звукам вокруг. Погони точно не было, хотя она и испортила праздник Гильдии, но вряд ли псы будут искать её здесь.

Сердцебиение улеглось. Ныло плечо от удара о шкаф с посудой и бедро, там, где Драдд приложил её стулом, но сейчас было не до таких пустяков. И, воткнув сковороду в седельную сумку, она толкнула калитку. Та была открыта.

Какая беспечность.

Начертила руну, чтобы не переполошились собаки. Не хватало, чтобы в довершении ко всему кто-нибудь из горожан выплеснул на неё сверху ведро с помоями.

Во дворе стояла телега с сеном и какие-то бочки. Переминалась с ноги на ногу корова возле яслей. В окнах второго этажа горел свет, и лестница была тут же, в два пролета вдоль стены, оканчиваясь площадкой и дверью под навесом. Всё, как описала Тайла.

Кэтриона поднялась наверх, идя по ступеням аккуратно, ступая тихо, но они всё равно жалобно скрипнули пару раз. Хотела постучать, но тронула дверь, и та оказалась не заперта.

Странно.

Она вошла внутрь и ощутила сразу – что-то не так.

И сейчас бы уйти в Дэйю, провалиться в Сумрачный мир и посмотреть на ауру этого места, да вот только сил не было, чтобы потом вернуться обратно. То, что случилось с ней на обратной дороге в Ирдион, исчерпало все её силы, где уж тут бродить по тени, добраться бы до Ордена живой. А с её нынешним везением могло получиться по-всякому.

Она замерла в узком тёмном коридоре, полагаясь только на зрение и слух. Ну и ещё, пожалуй, на чутьё.

И чутьё говорило только одно:

Не ходи туда!

Нехорошее предчувствие скользнуло по спине ледяным ужом, заставив поёжиться. И оружия у неё с собой нет. Жаль сковороду не прихватила!

Кэтриона медленно присела, не сводя с коридора глаз, нащупала в углу кочергу, и перехватила её двумя руками поудобнее. Сделала осторожный шаг вперед, глаза уже хорошо видели в темноте. Двери внутрь были открыты. Обзор закрывали только тонкие занавеси от мух, но они все же пропускали голубоватый свет айяаррского светильника.

А Крэд не стесняется в средствах, светильником обзавелся.

Младший аладир в прошлом году переехал жить в Рокну. Занимался какими-то делами, о которых Кэтрионе знать не полагалось. Да и не так часто она пересекалась с ним. А вот теперь зачем-то срочно ему понадобилась, и нехорошее предчувствие усилилось, навалилось волной. И она внезапно, ещё до того, как отодвинула тонкую кисею на двери, поняла, что именно не так.

Пахло кровью. Сильно.

Кэтриона ступала на носочках тихо, как могла, прижимаясь к стене и крепко держа кочергу обеими руками. За занавесками разглядела комнату. В камине справа тлел огонь, но окно во двор открыто, да и было тепло, зачем камин? Весь стол завален свитками. На полу – обрывки бумаг.

Крэд что-то жез, вот зачем камин. Или не Крэд?

Аладир лежал слева от стола, распластавшись на дощатом полу и раскинув руки в стороны. Его горло было перерезано от уха до уха. Только что, буквально пару мгновений назад. Кровь не успела даже впитаться. А над ним, на белёной стене, виднелась начертанная углем буква «А» – три небрежных штриха, и внизу валялся кусок обгоревшего дерева. И дым. Он всё еще чувствовался в комнате – уголь доставали из камина только что.

Это его четвертая жертва. Все они – рыцари Ирдиона. И везде одно и то же: перерезанное горло и буква на стене. Что она означает? Никто не знал точно. Хотя предположений было много.

Кэтриона замерла на месте, ведь убийца всё еще мог быть здесь, мог прятаться. И ей следовало бежать.

Крэд! Проклятье! Пес бы всех задрал! Святая Миэле, да что сегодня за день такой!

Баритта Крэда стояла в корзине справа у окна, его кинжал лежал на каминной полке. И следов борьбы не было. Бумаги на столе разложены в каком-то определенном порядке, и тарелка с ветчиной и хлебом стоит прямо на краю. На вешалке слева плащ и тонкая рыцарская кольчуга, краги на стуле, и сапоги начищены. Ни одна вещь не валяется, ничего не перевернуто.

Крэд был в домашних туфлях, и он совсем не сопротивлялся, а ведь убийца должен был преодолеть до него всю комнату от двери или от окна. И Крэд не спал. Он мог хоть стулом его ударить. Да и до оружия дотянуться успел бы. Но... нет. Почему?

Мысли пронеслись вихрем, схватывая каждую деталь в комнате, а уши ловили звуки. И кожа – колебания воздуха. Но ничего, кроме тепла камина, она не чувствовала.

Нет. В комнате точно никого нет. Кто бы ни был таинственный убийца, он ускользнул прямо перед ней. А кочерга...

Что ей делать в коридоре, когда камин здесь?

Он доставал ею уголь. И бросил в коридоре, уже уходя. Значит, он вошёл и вышел не таясь, прямо через дверь.

Кэтриона прошла дальше, ступая осторожно и прислушиваясь. Склонилась над Крэдом. Вздохнула и послала прощальный знак. Осмотрела комнату в поисках чего-нибудь, что мог бы оставить убийца, но он был умен, и как и в те разы, не оставил ничего.

И зачем её так хотел видеть Крэд?

Завтра, когда его тело найдут, сюда нагрянет Тайная стража, и они всё заберут, а кто знает, что в этих бумагах? Но Тайная стража служит королеве, а королева ничего не должна знать о делах Ордена.

Кэтриона взяла сумку с вешалки и стала сгребать в неё свитки. Что бы ни было в них, вряд ли кто-то должен их видеть. Под бумагами лежала печать аладира – знак Ордена, медаль на цепи. С одной стороны – голова сокола, с другой – совы. И надпись: «Видим днем, видим и ночью». Она смахнула в сумку и её.

А ещё шкатулка. Небольшая шкатулка из тёмного дерева, украшенная ашуманским узором из переплетенных змей. Она хотела её открыть и в этот момент почувствовала спиной взгляд. Кто-то смотрел на неё из окна.

Эх, Кэтриона! Все-таки ты устала... Он был не в комнате!

Она опустила шкатулку в сумку, и одним плавным движением нырнув мимо стола, схватила из корзины баритту Крэда. Развернулась и молниеносно бросилась к окну.

– Я знаю, что ты здесь! – крикнула хрипло.

Запрыгнула на подоконник и выглянула наружу.

Он был там, справа от окна в темноте, висел совсем как нетопырь на лозах дикого винограда. Но ничего, кроме тёмного пятна, различить было нельзя. И, схватившись за раму рукой, Кэтриона подалась вперед, пытаясь зацепить его лезвием, сделала несколько выпадов и взмахов, но только рассекла зеленые плети. Перехватила рукой раму поудобнее и свесилась из окна, а убийца уже оттолкнулся от стены, перепрыгнул дальше, не хуже белки, но оборвался и полетел вниз, цепляясь за ветви. Рухнул куда-то в ясли для скота, прямо в сено, отчего испуганно замычала корова. И собаки, разорвав слабенькую руну Кэтрионы, залились яростным лаем.

– Я убью тебя! – прошипела она и, надев через плечо сумку с бумагами, бросилась вдогонку.

Глава 3. Как проходит удачный день

Турниры Рикард любил. Ну, а что – лёгкие деньги. Да и работа была простой. Сиди в углу, поглядывай, что да как за карточным столом. Еда и выпивка за счет заведения.

Тибальд часто подбрасывал такую работу Рикарду – быть Смотрителем на турнирах.

Рокна готовилась к карнавалу и осеннему Балу невест. В город стекались гости: невесты и их семьи на бал, купцы на ярмарку, игроки на турниры, а воры и нищие, чтобы поживиться, чем Боги пошлют. Все постоянные дворы были забиты людьми, ярмарки гудели, на площадях ставили помосты для театральных представлений, развешивали флажки и гирлянды. Кто-то проигрывал состояние, кто-то его приобретал, а для тех, кто устраивал турниры, таких как Тибальд, наступало золотое время.

Кое-что от этих золотых рек перепадало и Рикарду. Только в этот раз Тибальд обещал заплатить не деньгами, а информацией о человеке, которого Рикард искал уже очень долго.

Он не спеша перекусил яичницей и оладьями с мёдом, глядя как за большим столом таверны нарастает напряжение. Играли одиннадцать человек. Три князя из Талассы, похоже, что братья, купец из Иртана, три богатых отпрыска знатных семей Рокны, чёрный, как уголь верр со странным именем Абаллал-Абид, купец из Эддара, ростовщик не пойми откуда, и ещё один человек, по внешности которого Рикард никак не мог понять, кто он такой. Больше всего он смахивал на пирата, надевшего приличное платье, и вел себя также – довольно развязано и нагло. Его звали Сейд. То ли это было прозвище, каких много у людей на Побережье и в портовых городах, то ли имя, хотя и странное. Но в своей жизни Рикард встречал немало странных имен.

На каждом из игроков были амулеты и защитные знаки. К игре эти люди относились более чем серьёзно.

Первый круг уже прошли. Князья из Талассы взяли банк, и Рикард решил, что они, конечно, договорились обо всем заранее, и будь Тибальд чуть осмотрительнее, не пустил бы их втроем за один стол. Сейд искоса на них поглядывал и, видимо, пришел к таким же выводам, и это обещало закончиться дракой. Но драками заканчивался каждый второй турнир, и в этом ничего странного не было.

Собственно, за этим Рикард и был здесь – следить, чтобы никто не пытался жульничать с помощью колдовства. То, что за колдовство полагается костер, на Побережье знал каждый дурак, и то, что ирдионские рыцари шныряют в поисках поживы по таким вот местам, тоже ни для кого секретом не было. Для того и нанимал Тибальд Рикарда – кому нужны неприятности с Ирдионом? Но азарт и жажда легких денег были у некоторых игроков всё же сильнее страха. И всякое могло случиться. Потому время и место озвучивались лишь накануне и передавались из рук в руки только проверенным людям, чтобы ненароком не привлечь внимание Ирдиона. И неписанное правило таких турниров гласило – любая магия запрещена, кроме защитной.

Нельзя пытаться считать карты или мысли, нельзя влиять на чужую волю, ставить блоки или делать отражения. А вот защищаться можно. И каждый игрок был увешан амулетами, как таврачья гадалка бусами. У Сейда на запястьях Рикард увидел даже особые татуировки – арры, какие делают рыцари Ирдиона, да ещё айяарры из некоторых прайдов. И это было интересно. На рыцаря он как-то не тянул, а для айяарра в нем, пожалуй, было маловато спеси.

Пока что правила никто не нарушал, но на первом круге обычно этого никто и не делает. Вот когда на кону будет чьё-то состояние, тогда другое дело.

– ...беру рыцаря...

– ...три костра...

– ...чума против ваших королей...

– ...*ведьма против рыцаря...*

Карты шлепались на стол всё громче, служанка подливала вино, а под потолком сгустились тучи. Будь таласские князья поумнее, они бы не подыгрывали друг другу так открыто, но, судя по всему, это был их первый серьезный турнир. Сейд шурился, и было件нятно, что он считает карты и при этом думает, как бы врезать кому из князей. Эддарский купец пыхтел, потел, вытирал огромным платком покрасневшую шею, рокнильцы бросали друг на друга косые взгляды, и абсолютно всех раздражал ростовщик, который перед каждым ходом очень долго думал. Один только Абаллал-Абид был невозмутим, как эбеновое дерево, лишь изредка склонял голову вправо, заставляя покачиваться перо на лиловом тюрбане.

– Ну что? – шепотом спросил Тибальд.

– Пока ничего. А кто этот Сейд? – спросил Рикард, аккуратно вырезая ножом фигурку лошади из куска дерева, и исподлобья наблюдая за игрой.

– Сейд? Да он впервые у нас, но мне сказали – человек надежный.

– Хм. И только?

– Да. Не переживай насчёт него.

– Как скажешь. Только он жаждет отделать этих бестолковых таласцев даже больше, чем выиграть у них. А ещё он считает карты. Ты зря посадил их вместе.

– Поглядим, как пойдет дальше.

И снова таласские князья взяли банк. Тибальд сделал новую раздачу. В комнате становилось жарко.

Первым не выдержал эддарский купец. Ему не везло с самого начала. Рикард увидел, как он положил на колено монету из тёмного металла, и от неё, сквозь старую толстую столешницу, потянулись к колоде карт прозрачные щупальца.

– Первый есть, – шепнул Рикард, указав глазами на купца.

Когда того вытаскивали из-за стола, он сопротивлялся и кричал, что ничего плохого не сделал. А Сейд внимательно посмотрел на Рикарда, и взгляд этот ему не понравился.

После следующей раздачи не повезло таласцам и банк взял ростовщик. Случайно. Сейд усмехнулся и отпустил пару колкостей в сторону князей. Первая перчатка была поднята. Разобраться друг с другом они обещали сразу после турнира.

– ...*король берет королеву...*

– ...*две чумы...*

– ...*ковен ведьм...*

– ...*святой отец против ковена...*

И комбинация была идеальной. У таласских князей был хороший расклад, но у Сейда было три святых отца – уверенная победа. И он тянул время, повышая ставки. Тарабанил кончиками пальцев по столу, крутил амулет на шее, и лоб тёр, словно в сомнениях, а князья довольные переглядывались. И ставки росли, как на дрожжах.

Но что-то было не так. Три святых отца пришли к Сейду один за другим – редкая удача. Настолько редкая, что Рикард не поверил. Он вообще не верил в случайности.

Случайности – это знаки, это подсказки судьбы, и надо быть слепым, чтобы их не видеть и дураком, чтобы их не замечать.

Он бы заметил это и раньше, если бы не запах дыма, который преследовал его с самого утра. Вот он и подумал, что этот дым ему всё ещё мерещится.

А он не мерещился...

И в тот момент, когда всем осталось взять по последней карте, Рикард понял, что этот запах реален. Тяжелый, смолистый, дымный дух: горячий песок, хвоя и высушенные на солнце фрукты – так пахнет камедь священного дерева, красная смола, именуемая в Ашумане «драконья кровь».

И если бы не его чуткий нос, никто бы и не узнал. Драконья кровь неощутима для обычного человека, но она может скрыть любые следы магии. Вот только откуда она у него?

– Сейд, – произнес Рикард тихо, наклоняясь к Тибальду и откладывая незаконченную лошадь и нож. – Убей его.

Демоны Аишиа! Проклятый дым! Нужно было сделать это раньше! Сейчас у Сейда уже почти банк, он будет очень зол!

– Ты уверен? – спросил Тибальд.

– Уверен.

– Точно?

– Если он так тебе дорог, зачем ты меня позвал?

– Ну, хорошо, хорошо!

Последние карты разошлись по кругу, ставки были высоки, как никогда. И в этот момент Сейду выдали белую метку. Нужно покинуть стол.

– С какой стати? – ноздри Сейда затрепетали, и брови сошлись на переносице.

– Рик? – Тибальд кивнул ему подойти. – Это наш Смотритель.

– Смотритель? Надо же! – Сейд поднялся, по-прежнему закрывая карты от любопытных взглядов. – И что же ты высмотрел, Смотритель?

– Камхин, эм'иро тилийе, – ответил Рикард по-ашумански.

– Асай дах алар, тахеле? – Сейд прищурился.

Но Рикард лишь покачал головой.

Карие глаза Сейда почернели, и губы исказила презрительная усмешка. Он стоял, в упор глядя на Рикарда, но тот не отвел взгляда. За столом повисла напряжённая тишина, даже лица таласских князей вытянулись в недоумении.

– Ты должен уйти, – сказал Тибальд негромко.

Сейд перевел глаза на соперников, щёлкнул пальцами так, что карты взлетели вверх и упали на стол, и при виде трёх святых отцов, лица князей от удивления вытянулись ещё сильнее. А затем, чуть наклонившись вперед, Сейд произнес тихо, по-ашумански:

– Дах ильхавин, хайе!

– Таэ дахе алар, – пожал плечами Рикард и вернулся на свой стул.

Сейд вышел из-за стола, передернув плечами, и удалился, высоко вздернув подбородок, а игра продолжилась, но уже с меньшим накалом.

– Что он тебе сказал? – спросил Тибальд, присаживаясь рядом.

– То, что всегда говорят в таких случаях, – Рикард снова взялся за деревянную лошадь.

– А именно?

– Что я пожалею об этом.

– Почему?

– Он рассчитывал на братскую солидарность.

– Братскую? Разве он тебе брат? Что это значит? – Тибальд придвинулся ближе.

– Это ничего не значит, – тихо ответил Рикард, – я сам по себе, он сам по себе. Я сказал, что он мне не брат. А значит, я ему ничего не должен.

– И откуда ты знаешь ашуман?

– Тибальд, я много чего знаю, и мало что из этого тебя касается. Он всё понял и ушел, ты же за это мне платишь?

Тибальд отодвинулся, видно было, что ему не понравился ответ.

– К слову об оплате... Человек, которого ты искал...

Рикард посмотрел исподлобья.

– Да?

– А ты знаешь, что он ирдионский аладир?

– Я знаю, кто он. Так ты его нашел?

– Он не так давно переехал в дом на улице Мечников, комнаты над аптекой Фило. Но я бы хотел предупредить тебя – не стоит связываться с рыцарями Ирдиона, чем бы они тебе не насолили.

– Я знаю, – Рикард прищурился и скупой кивнул головой.

Плата принята.

Турнир закончился вечером, и Рикард поспешил на скотобойню. Солнце висело на ладонь над горизонтом, и он торопился – не стоит заставлять Кадора Аркимбала ждать. Нужно побыстрее закончить с этой глупой дуэлью, ведь сегодня у него более важная встреча. Встреча, к которой он шел очень долго. С того самого дня, наверное, как проклятый дым поселился в его кошмарах.

Рокнийские баритты Рикард не любил. Так называемый городской меч – новомодное и бестолковое оружие позёров. Тонкое короткое лезвие, богато украшенная ручка, и гарда с серебром, золотом и гербами. Каждый юнец на Побережье, да теперь и в центральной Коринтии, предпочитал его. А чаще просто норовил похвастать богатым убранством перед соперником и дамами, нацепив баритту на такую же богатую перевязь. Впрочем, Рикарду было без разницы на чем драться, хоть на айяррских яргах, хоть на кулаках.

Когда он подъехал к скотобойням, солнце уже пряталось в облака над горизонтом, окрашив их густым багрянцем, и сумерки вот-вот обещали смыть все краски, превращая день в ночь.

Он спешился, постоял немного, прислушиваясь, и потянул носом воздух. Нюх у него, как у собаки. Впрочем, у него всегда был очень чувствительный нос, как и у его матери. Но с той поры, как он попал в Ашуман и начал тренироваться, то стал слышать запахи не так, как обычный человек. И иногда это сильно мешало. Но помогало чаще.

Вот и сейчас он услышал их раньше, чем увидел. За густыми кустами жимолости стояли четыре человека. Один нервничал и потел, видимо, Кадор. Кто-то был облит одеколоном сверх всякой меры, и это точно Вильро – его секундант. От секунданта Кадора разлило сапожной мазью. А четвертым был лекарь. Запах химикалий из его саквояжа господствовал над всеми остальными: запахами скошенной травы, конского помета и пыли. Поодаль лошади. Никого больше и ничего подозрительного. Никаких ловушек нос Рикарда не уловил.

Он набросил поводья на сук и, перемахнув легко через остатки каменной стены, оказался прямо посреди моря крапивы. Жирная земля, когда-то досыта напоенная кровью убитого скота, была покрыта ею сплошь.

Все в сборе.

Кадор был здесь же, расхаживал широкими шагами, сражаясь с крапивой – делал выпады в воображаемого противника. И стебли вздрагивали, подрубленные острым лезвием, и медленно падали ему под ноги.

Нервничает. Это хорошо.

Видимо, новость о том, что ответчиком выступит Рикард, а не безусый юнец, сопернику не нравилась. И он разминался о траву зло и тщательно.

Рядом расположились секунданты, Вильро, которому доверял Рикард, и ещё один со стороны соперника. И лекарь.

Надо же.

Лекарем был сам Лира́нд Фукé, парифик университета, и стоили его услуги очень дорого. А значит, щенок Кадор боялся за свою жизнь всерьез.

И это тоже хорошо.

Приветствие вышло холодным.

Рикард кивнув сдержанно, бросил Вильро куртку и шляпу, натянул шипастую крагу на запястье и тыльную сторону левой руки и, отсалютовав сопернику бариттой, стал в позицию. На его оружии не было позолоты и гербов. Его баритта вообще принадлежала случайному

попутчику, тот проиграл её в карты. Но это не имело большого значения, драться можно любым оружием.

Рикард посмотрел на соперника. Кадор стоял, пружиня на ногах и вращая туда-сюда запястьем – готовился.

Бойтся.

У страха свой собственный, особенный запах, чем-то похожий на уксус, и Рикард почувствовал его, как только Кадор пересёк границу поля.

Если противник незнаком, то атака должна быть не просто быстрой, а очень быстрой. Нужно попытаться использовать эффект неожиданности и выиграть преимущество, пока никто не знает приёмов друг друга.

И он бы сделал выпад сразу, минуя все этапы церемониального салюта, как только Кадор стал в ангард¹, но сегодня у него не было задачи убивать противника. А значит, драться он будет лишь до первой крови – просто отработает уплаченные десять тысяч. Большого дуэльный кодекс не требовал.

Но проклятый дым, который преследовал его с самого утра, не давал расслабиться. И рука сжимала рукоять баритты сильнее, чем нужно. Он чувствовал себя натянутой тетивой и ничего не мог с этим поделать.

Границы поля боя секунданты выкосили и стали по обе стороны.

Начали.

Сблизились до средней дистанции, встали в меру². Лицо у Кадора было бледным, чёрные глаза следили сосредоточенно. И, как и следовало ожидать, он напал первым. Зло, внезапно, быстро. Хотел получить преимущество.

Три скачка: два назад, один вперед.

Обменялись тройкой батманов, но Рикард не раскрылся ни разу. И Кадор понял, что в маневренном бою он уже преимущества не получит.

Отступил.

Рикард видел, как он следил за ним внимательно. Наблюдал, оценивал, прошупывал. Противник сплюнул через локоть, вздернул подбородок, и взметнул левую руку вверх, будто выбрасывая перчатку.

Позёр.

И снова атака на открывание. Внезапная. Резкая. В два подскока.

А он смелый.

Баритта просвистела совсем рядом. Вывод вправо. Финт и отбив. И снова атака. Баритты сцепились и завязались. Два, три, четыре оборота, лезвия зазвенели и заскользили, жалобно взвизгивая, а лица приближались, и какое-то мгновение было глаза в глаза. Горящие чёрные против ледяных синих.

Но Кадор вовремя сделал перевод и ушел в оборону. Видно, что прошупывал силовой метод, хотел продавить противника, но у Рикарда крепкая рука, хоть и за черным шёлком рубашки этого не видно.

Отскочили и снова стали в меру. И опять стремительная атака, столкновение и удар крагой по лезвию. Ремиз и отскок.

Пора заканчивать.

Кадор пробовал все приёмы по очереди. И это было слишком очевидно. Рикард понял, каким будет его следующий удар, и пошел в обоюдную атаку с соперником, перебросив за мгновение до этого баритту в левую руку. Ушел от выпада вольтом, прогнувшись в спине. А

---

¹ Ангард (фехтование) – позиция удобная для боя.

² Стать в меру, батман, кварт, финт, вольт, ремиз – фехтовальные термины.

соперник не успел выйти из атаки, сбитый с толку финтом с левой рукой, и замешкался лишь на миг, но и этого было достаточно.

Он летел на Рикарда – одно мгновение, и вот он уже ушел в пустоту. Провалился навстречу ускользнувшему противнику, нарвался на мощный левый кварт Рикарда и молниеносную завязку. И через мгновение его баритта, выбитая из рук, описала дугу и исчезла где-то в зарослях крапивы за спиной Вильро, а сам Кадор получил удар эфесом прямо лицо.

Удар был такой силы, что он сделал пару взмахов руками, словно птица, отлетел и упал в траву на границе поля, схватившись за разбитый нос. Кровь мгновенно залила белую рубашку, и было её столько, что Рикард тут же отсалютовал секундантам. Сомнений нет, первая кровь пролилась – бой можно считать оконченным.

Того, что противник владеет оружием и левой рукой, Кадор предположить не мог.

– Сволочь! Ты мне нос сломал! – порычал он, вскакивая. – Ублюдок! Не умеешь драться честно, продажная скотина! Дерёшься за деньги! Скажи, сколько тебе заплатили? А? Дерись за себя! Давай!

Секунданты попытались его остановить, но он словно обезумел. То ли от неожиданности, то ли унижение и боль были так сильны, но Кадор схватил запасную баритту, лежавшую на краю поля и бросился на соперника, собираясь поразить его в спину.

Рикард отскочил, увернулся и отбил атаку. Вмешались секунданты. Но соперник не унимался, он стащил крагу и швырнул её в Рикарда, и она ударилась о его сапог.

– Ну же, поднимай перчатку! Ты – позор чести! Дерешься за деньги! Дерись сам за себя! – кровь продолжала бежать из разбитого носа, и Кадор зажимал его пальцами.

– Да не хочу я с тобой драться, – пожал плечами Рикард, поднимая куртку.

Кажется, зря он его так, можно было бить не так сильно. А всё проклятый дым!

Но от вида крови и бешенства противника Рикарду стало даже как-то легче.

Лиранд Фуке уже стоял наготове с бинтами и губкой, но Кадор не унимался и снова бросился в атаку. В этот раз Рикард снова ушел от удара, и противник, растерявший уже всю свою сосредоточенность, просто пролетел мимо.

– Видно, здорово я тебя эфесом приложил, – ответил Рикард отступая, – ну ты как поправишься, так можно и продолжить. Найдешь меня через Найда.

– Подлец! Трус! Скотина! Я найду и убью тебя! – орал соперник, прижимая к разбитому носу бинт, который аккуратно подsunул лекарь, отчего голос его стал гнусавым.

Послали же Боги идиота! Вот никак ему жить не хочется.

Рикард не стал отвечать. Он своё дело сделал – и этого достаточно, он не дурак, чтобы драться с каждым, кто швыряет в сердцах перчатки. Глянул на солнце, его диск уже наполовину погрузился за горизонт, и тени от каменной стены тянулись к ногам.

Нужно торопиться.

– Господа! Имею честь кланяться, – Рикард махнул шляпой секундантам и растворился в наступающих сумерках.

Вскочил на коня и сразу же забыл о дуэли. Его ноздри втягивали тёплый осенний воздух и трепетали, как у гончей. Сегодня он, наконец-то, получит ответы.

Он оставил коня у борделя «Алая роза». Во-первых, там за ним присмотрит бордельный пес, а во-вторых, он пеший привлечет гораздо меньше внимания, а до улицы Мечников всего три квартала – дойдет. К тому же неизвестно, сколько придется ждать, а конь у него приметный – гнедой жеребец эддёрской породы с белым пятном на груди, для которого он никогда не жалел овса.

Нужный дом был таким, как его и описал Тибальд: скошенный с угла, с зеленой дверью, выходявшей на перекресток, над которой висела вывеска – «Аптека Фило». А над дверью балкон с кованой решеткой, украшенной листьями винограда.

В окнах второго этажа горел свет. Сумерки сгустились под кронами каштанов, и Рикард, скользнув тенью, взобрался на каменный забор и заглянул в окно, выходящее на улицу. Увидел человека за столом, усыпанном бумагами. Тот сидел, склонившись низко, и быстро писал, то и дело макая перо в чернильницу.

Рикард его узнал.

Крэд.

И хотя время изменило его черты, он расплел, отрастил бороду и волосы его стали седые по вискам, но он узнал бы это лицо и через сто лет. И рука Рикарда непроизвольно легла на рукоять кинжала.

Рядом, в корзине, стояла баритта, и на каминной полке, лежал нож, близко, чтобы молниеносно достать рукой. В комнате было ещё окно, выходящее на противоположную сторону, во двор. Оно было открыто, и Рикард решил пробраться внутрь через него. Оттуда ближе к столу, да и его никто не заметит со стороны двора, там уже темно, можно подождать, пока Крэд выйдет за чем-нибудь из комнаты, и уж тогда забраться внутрь. Во дворе кто-то возился, гремел котелками, и, спрятавшись за веткой дерева, Рикард остался ждать, пока все лягут спать. Время у него есть, он ждал достаточно.

Улица опустела, последняя повозка протарахтела вниз, а за ней пронеслись кони, где-то в пол квартала от аптеки. Рикард сидел, спрятавшись в ветвях, прислонившись спиной к стене, и разглядывал загорающиеся звезды, думая о том вопросе, который он задаст Крэду перед тем, как убьет его, когда заметил две фигуры, крадущиеся в темноте. Они шли тихо вдоль забора, ступали осторожно и старались быть незаметными. Проникли во двор, открыв калитку своим ключом как раз, когда ушла женщина с котелками, и вошли внутрь тихо, даже собаки не залаяли, а вскоре появились в комнате второго этажа. И в то же мгновение чья-то рука задернула занавеси на окне, а Рикард спрыгнул во двор. Прошел вдоль бочек и яслей, рядом с которыми, неспешно жуя, стояла корова, и взобрался по другой стене к открытому окну. Цепляясь за щели в каменной кладке и, опираясь ногами о выступавший фриз, добрался до подоконника второго этажа. Дикий виноград сплошь оплетал стену и в некоторых местах прирос к ней настолько, что вполне мог выдержать человека.

Рикард прижался плечом к стене и придвинулся к окну, пытаясь услышать, о чём говорят в комнате, но там была тишина.

И он снова почувствовал дым.

Как не вовремя!

А он-то надеялся, что дуэль его вылечит.

Он прислушивался некоторое время, думая, что гости вышли в другую комнату, но вскоре понял, что это не просто тишина. И нехорошее предчувствие шевельнулось где-то внутри. Он медленно отклонился от стены на вытянутой руке и заглянул внутрь.

На подставке горел айяаррский светильник, освещающий комнату мягким светом, и справа от окна тлели в камине угли. Но в этот момент он понял, что дым ему вовсе не мерещился. Дым был реален. Кто-то только что вытащил головню из камина. А еще пахло ирдионским огнем, тем, который рыцари возят с собой в бутлях. И от этого запаха у него мороз пошел по коже.

А главное то, что предчувствие его не обмануло – он опоздал.

Демоны Аиша! Проклятье!

Его надежды на то, что сегодня он получит ответы, разбились вдребезги.

Крэд лежал на полу с перерезанным горлом, и кровь всё ещё вытекала из жуткой раны от уха до уха, но он уже был мёртв, а на стене прямо за ним красовалась нарисованная углем буква «А».

Рикард замер, цепляясь рукой за подоконник и не веря своим глазам. Да быть этого не могло! И первая мысль была – догнать тех двоих. Он бы так и сделал, и уж они бы не ушли от

ответов, но слышал чьи-то шаги на лестнице и, отклонившись назад, снова спрятался в тени, среди виноградных листьев, повиснув на стене, как летучая мышь.

Может, это они возвращаются? Что-то забыли? Очень кстати...

Он бы хотел увидеть их лица. Рикард был так зол, что убил бы их на месте, прямо в этой комнате. Он столько лет разматывал этот клубок, шел от одного человека к другому, и Крэд был тем, кто знал главное – кто отдал приказ. И он привел бы его к нужной фигуре, а теперь нить оборвалась, и всё придется начинать сначала.

Он убьет этих двоих. Прямо сейчас. Быстро. Они не могут этого ожидать, а значит, у них нет шансов.

Он нащупал рукоять баритты и прислушался. Открылась дверь, кто-то замер на пороге, постоял, а потом пошел медленно и тихо. И Рикард приготовился к прыжку, но его остановил запах.

Сквозь густой железистый запах крови, дыма и ирдионского огня, который плыл из окна волнами, он почувствовал конский пот, пыль и полынь, запах жареного мяса, розового масла и духов. Из всей этой какофонии его почему-то больше всего удивили духи. Тонкие, едва слышные: цветущий апельсин и груша – запах весеннего сада.

И что-то было такое в них, неуловимо знакомое, как будто он оказался вдруг в детстве, дома, на летней веранде, там, где стояли плетеные кресла и стол, и где каждую весну цветущие грушевые деревья обсыпали пол белыми лепестками. Где мама велела слугам подавать вечерний чай с печеньем. И они всей семьёй сидели там, под цветущими грушами и апельсиновыми деревьями, ветви которых касались плеч. Отец с книгой, и мама в пышном платье, разливающая чай в чашки из тонкого фарфора, и его вредная сестра с двумя косичками и алыми лентами. Они вспомнились вдруг так отчетливо и ярко...

А он всё норовил убежать куда-нибудь, например, к пруду, где работники бродили с неводом, очищая дно от прошлогодних листьев и ила, и где можно было найти множество полезных вещей, вроде ржавых сабель или мячей для сквоша. И это было гораздо интересней, чем созерцать тёплый розовый закат.

Это сейчас он понимал, что если бы вернуть время вспять, то...

Время вернуть нельзя.

Но этот запах, швырнув его в пучину воспоминаний, ударил куда-то за грудину и, выбив воздух из лёгких, заставил заглянуть в комнату.

Он увидел женщину, склонившуюся над Крэдом.

Сейчас визга будет, надо убираться!

Но визга не было. Она разглядывала труп, деловито и сноровисто, совершенно не смущаясь.

Затем, ступая осторожно, осмотрела комнату, так словно была тут впервые. Сдернула сумку со стены и принялась торопливо засовывать туда бумаги, смахивая их со стола. Рикард успел немного её разглядеть: высокая, стройная, тёмные волосы собраны в хвост, загорелая кожа, белая рубашка перехвачена кожаным корсажем, штаны, сапоги.

Кто она такая? Одна из убийц? Почему ворует эти бумаги? Почему не взяла их сразу?

Рикард уже совсем не понимал, что происходит. И, похоже, именно любопытство его подвело. А может, он просто слишком пристально разглядывал эту женщину, так пристально, что она почувствовала взгляд. А может, это всё груша и апельсин...

Но она вдруг замерла и, резко подавшись вперед, выхватила баритту Крэда из корзины и, развернувшись молниеносно, бросилась к окну:

– Я знаю, что ты здесь! – баритта прошла на волосок от его виска.

Демоны Аиша!

Рикард отпрянул и нырнул в темноту, но женщина двигалась, как кошка. Вспрыгнула на подоконник, и лезвие пронзило листья винограда на расстоянии ладони от его плеча. Она

взмахнула ещё раз, схватившись за раму рукой и свесившись, попыталась его достать. Но он уже оттолкнулся от стены и, перехватив рукой плети, висящие дальше, оборвался и полетел вниз, цепляясь за ветви, хотя баритта успела просвистеть над его головой еще трижды.

Он упал в ясли для скота, едва не подвернув лодыжку, благо там оказалось сено, хоть и немного. Испуганная корова натужено замычала, и невесть откуда взявшиеся собаки залились истошным лаем. Его баритта воткнулась одним концом в доску – кончик её отломился, а эфесом прямо ему в ребра, и они чуть не треснули.

Проклятье!

В соседних окнах появились огни.

Вот же «повезло»!

Он бросился прочь со двора, отшвыривая ногой вцепившуюся в сапог собаку, и выскочил на улицу. Позади хлопнула дверь.

– Кто здесь? – раздался сиплый мужской голос.

Ситуация была, конечно, глупая, и Рикард хотел перемахнуть через соседний забор и исчезнуть в темноте глухих дворов, но вдруг услышал знакомое ржание. В свете аптечного фонаря он увидел своего коня – Барда, привязанного возле миртовых кустов.

– А ты как здесь?..

Он не успел даже выразить всю степень своего удивления. Женщина прыгнула откуда-то сверху, прямо с каменного забора ему на плечи, видимо вылезла в окно, и они, упав, покатались по пыльной улице.

– Эй, кто там? – раздалось из окна вверху, и во дворе замелькали факелы.

Рикард отшвырнул женщину и отскочил, выхватив сломанную баритту и кинжал.

– Я убью тебя! – прошипела нападавшая, вскакивая и бросаясь на него, и Рикард едва увернулся.

Двигалась она очень быстро.

Где-то на Портовой улице раздался топот копыт и рог Тайной стражи.

Вот уж некстати! Нужно забрать Барда и бежать!

Он бросился к лошади, но женщина его опередила, схватившись за луку седла с другой стороны как раз в тот момент, когда он ставил ногу в стремя.

– Это мой конь! – рыкнул он, занеся лезвие над седлом.

– Вообще-то он мой! Убийца! – в ответ лезвие ужалило его где-то в районе голени прямо под брюхом Барда.

– Демоны Ашша! Это мой конь! – лезвие скользнуло ей по плечу, рассекая рубашку, и гарда ударилась прямо в ключицу.

Она отлетела на землю. И Рикард хотел вскочить в седло, но женщина что-то крикнула в тот самый момент, когда он перебрасывал ногу, и Бард, встав на дыбы и истошно заржав, отбросил его назад.

Он упал, хорошо успел ногу из стремени выдернуть, перекатился и, поднявшись в тот же миг, бросился на незваную гостью.

Сейчас он её убьёт!

От злости он готов был просто её разорвать. Но женщина его опередила – метнулась к лошади одним рывком, точно кошка, и вскочила в седло. Рикард только успел достать её голень кончиком баритты, но поскольку он был сломан, то получился просто тычок.

– Я убью тебя! – крикнул он в ярости.

Она потянула поводья, Бард развернулся и прежде, чем Рик понял, что произошло, женщина с размаху огрела его по уху чем-то похожим на сковороду, а потом ещё раз.

Горн Тайной стражи был уже в пол квартале от них, на улицу высыпали люди с факелами и вилами.

– Держите воров! – закричал кто-то.

– Убивают! – завопил женский голос.

– Я сама найду и убью тебя! – прошипела незнакомка, промчавшись мимо, бросила ему сковороду, только её и звали.

– Я сделаю это первым! – крикнул он ей вслед, едва успел подхватить сковороду и отбить летящие в него вилы.

Он чувствовал себя дважды одураченным. В голове звенело, по улице уже рвался горн Тайной стражи, а во дворе истерично завизжала баба, может быть, нашла тело Крэда – похоже, дело плохо. Сейчас его схватят за убийство, которого он не совершал. Ему ничего не оставалось, как броситься бежать, не разбирая дороги, собирая за собой всех собак, ямы, репы и проклятья горожан.

Этот день начался паршиво, но закончился он – хуже некуда. Вернее, могло быть и хуже, если бы его схватила Тайная стража.

Он ввалился на кухню своего дома, едва держась на ногах – убегая, отмахал пешком полгорода.

Альбукер напевал в нос что-то своё, таврачье, заунывно-плавное, курил трубку, из которой сочилась жидкая струйка дыма, и чинил его куртку, прилаживая оторванный в драке рукав. В комнате горел маленький айяаррский светильник, который Альбукеру подарил Рикард, и тот им очень дорожил. Носил за собой из кухни в каморку и обратно, а уходя из дому, вообще запирали в сундук.

Альбукер смотрел на Рикарда дольше обычного, с прищуром из-под кустистых бровей, разглядывая грязную разорванную одежду и кровь. Потом достал трубку, подержал в руках, выпуская ноздрями дым и, видя, как его хозяин жадно, как собака, лакает воду из ведра, не удосужившись даже взять кружку, произнес невозмутимо:

– Видать, надо было двадцать тысяч просить, – и снова занялся шитьем.

Рикард упал на стул, тяжело дыша, и вытер ладонью потный лоб.

– Если бы это была дуэль, мой друг, я бы даже бровью не повел.

– Хм. Я и подумал, странно это, что благородные господа так в репьях извалялись.

– Нет, Альбукер, со мной приключилось кое-что похуже. И я вот даже не знаю, как про такое вслух говорить, – произнес он устало. – У нас осталось вино?

Старый таврак посмотрел исподлобья, хмыкнул лукаво и добавил:

– Вино в буфете.

– И о чем ты только подумал, старый пень! – рассмеялся Рикард, зачерпнул ещё ковшом воды из ведра и выпил. – Хотя да, именно это со мной и произошло... только в... переносном смысле.

Он достал бутылку, плеснул оттуда вина прямо в ковш для воды и выпил залпом.

– Хм. Неудачный день? – пробормотал Альбукер, зажимая иглу зубами. – И что, кроме репьев?

– Что? Меня обещали убить... Трижды за день. Я упал в коровьи ясли. Едва не сломал ногу и ребра. Потом мне ногу все-таки проткнули бариттой, за мной гнался мужик с вилами и свора собак. В итоге я лишился лошади, оружия, плаща, и меня огрели сковородой по голове. Дважды! Я едва не попался Тайной страже за убийство, которого не совершал. Но теперь очевидно, что в нём будут подозревать именно меня. А главное, что я потерял то, что искал много лет, и это у меня увели прямо из-под носа! И да, еще мне сапог прокусила собака. Думаешь, так проходит удачный день? – Рикард швырнул ковш на стол и стукнул ладонью по столешнице.

Он был зол. Нет, он всё еще был в ярости. И он даже не мог толком разобрать – на кого именно.

– И сколько их было?

– А вот это меня и удручает больше всего, что, вообще-то, она была одна.

– Баба? – Альбукер снова вытащил трубку изо рта, и было видно, что он удивлен.

– Я победил щенка Аркимбала после третьей атаки, а меня отделала сковородой какая-то баба! – воскликнул Рикард. – Послушай, Альбукер, тебе никогда не хотелось убить женщину? Так вот, чтобы по-настоящему?

На что старый таврак хмыкнул многозначительно и лаконично добавил:

– Всё зло от баб.

Глава 4. Ирдион

...восемьдесят восемь, восемьдесят девять...

Рука повисла плетью. Порванные связки? Возможно. И рана на плече от лезвия баритты, похоже глубокая, болит всё сильнее. Рубашка вся пропиталась кровью, и теперь каждое движение причиняло боль. Сделать бы перевязь, но не из чего. Хотя...

Кэтриона сняла ремень и притянула им руку к телу, боль стала не такой очевидной. Но боль это ничего, она умеет терпеть боль. Вот только мир крутился перед глазами тошнотворным клубком, сквозь который проглядывали сумрачные поля Дэйи. А это значит силы у неё на исходе.

Ночь сгушалась, и полоса заката исчезла, соединив чернотой небо и горы. Из моря поднимался Тур, сверкая серебряными рогами, и разгорался всё ярче, а за ним Лучница, гордо вскинув голову. Хотя здесь, на Побережье, звезды не такие яркие – в воздухе слишком много влаги.

Дорогу на юг преградили ворота, Кэтриона достала медальон:

– Именем Ирдиона, – и для неё открыли боковую дверь.

Она плотнее запахнулась плащ. Спасибо псу, на чьей лошади она сейчас едет, скатанный валиком плащ был приторочен к седлу – не стоит стражам видеть её разодранную и залитую кровью рубаху.

...сто двадцать шесть, сто двадцать семь...

За воротами дорога пошла вдоль берега между редких кустов олеандра, и хотя и было темно, но тут едва ли заплутаешь.

Ногу свело судорогой. Видно, прыжок со стены вышел неудачным, да ещё тот удар стулом по бедру. Хотелось пить, губы пересохли. Надо бы остановиться, перевязать рану на плече, остановить кровь и отдохнуть, но Кэтриона понимала, что, если слезет с лошади, обратно может уже и не взобраться. До Ирдиона от Рокны сорок квардов, конь под ней хороший, свежий, видно овса для него не жалели, так что к утру она доберется до крепости. Главное не заснуть, не потерять сознание, не упасть с лошади и не провалиться в Дэйю. Оттуда она уже не сможет вернуться сама.

Голова кружилась, и темнота вспыхивала перед глазами разноцветными пятнами.

– Ну что, дружок, погнажи? – прошептала она, намотала повод на здоровую руку и прищипнула коня.

...сто девяносто восемь, сто девяносто девять...

Её путь лежал на юг от Рокны, к самой оконечности полуострова, где, врезавшись в море каменной грудью, стоит одинокая скала, вокруг которой раскинулся город-крепость.

Для того, кто впервые видит Ирдион, он кажется красивым...

Он неприступен. Обнесен высокими каменными стенами вдоль всей береговой линии, а узкий перешеек, соединяющий его с большой землей, перегорожен массивными воротами. Каменные башни – пилоны, с золочеными соколами, а над ними девиз Ордена, высеченный в граните: «Без любви, без жалости, без страха».

За стеной в Первом круге живут ремесленники и их семьи. Кругом кузницы, мастерские и большой базар с лавками, где под белыми шатрами продается серебряная посуда, украшения и оружие. Ирдион славится лучшими мечами и кинжалами. И женскими серьгами из золота. Браслетами изящной тонкой работы, огромными медными котлами и кувшинами с узорами из лотосов и цапель. Ещё подносами, кольцами, чеканными картинами – мастера Ирдиона известны далеко за пределами Коринтии.

А на вершине скалы, точно молчаливый страж, взирает на город прекрасный Храм с множеством башен, и сад, каких нет больше нигде в мире.

...двести тридцать два, двести тридцать три...

Во Втором круге живут послушники. Те, кто принес клятву о служении Ордену. Здесь они тренируются и проходят обучение, и повсюду их кельи, наклепленные к скале, словно соты в улье: ниша в стене, кровать, стул, и маленькое окошко, выходящее на бесконечную морскую гладь.

...двести восемьдесят девять, двести девяносто...

Каждое утро послушника в Ордене начинается у подножья горы. Возле колодца. В кувшин наливают воду, ставят на голову послушнику и завязывают ему глаза. А дальше – триста пятьдесят восемь ступеней, вырубленных по краю скалы, которые ведут наверх. Ступеней таких коротких и узких, что еле разойдутся два человека, плотно прижавшись друг другу. А внизу камни. И море. И впереди идет кто-то такой же с кувшином и завязанными глазами. И позади. Длинная вереница детей с кувшинами, чтобы напоить прекрасный сад.

...триста десять, триста одиннадцать...

Со временем босые ступни запоминают поверхность каждой ступени, каждую ямку, а пальцы помнят наощупь каждый выступ в стене слева. Уши – каждый звук: полет птицы, падающий камешек, шум ветра и волн внизу, разбивающихся с ревом об изрезанный гранит берега. Даже чужое дыхание. И каждый шаг может стать последним. К концу первого года из ста послушников в живых остаются не больше двадцати. Остальных забирает море. И камни внизу. Но первая страница Летописи Ирдиона гласит: «Пока жив сад, жив Ирдион, а значит, жив и весь мир». И послушники – лишь малая жертва, принесенная этому миру. Послушников много. Обитатели Тары по всей Коринтии исправно снабжают ими Орден.

Ей повезло. Она выжила.

Или не повезло...

Утро уже разливалось над морем, окрасив воду свинцом с розовой патиной, когда Кэтриона подъехала к воротам Ордена. Едва держась в седле, не чувствуя рук и ног...

Проклятые ступени. Поднимаясь, она всегда их считала. А потом это стало молитвой. Её молитвой терпения. Пересохшие губы всё ещё продолжали шептать:

... триста пятьдесят шесть, триста пятьдесят семь...

Въехав во двор, она едва смогла разжать пальцы, стиснувшие поводья, и соскользнула из седла прямо в руки двух послушников, произнеся едва слышно:

– Магнуса позовите и... не притрагиваться к сумкам...

...триста пятьдесят восемь.

И потеряла сознание.

Огонь был живым.

Он скользнул прямо из их рук, зародившись в огниве ярким лепестком, и покатился прозрачной оранжевой волной, подернутой по краю голубым кантом. Сначала по жухлой траве двора к крыльцу, где лизнул висящий на перилах вытертый старый ковер, затем обвил тёмные от времени балясины лестницы и бельё на веревке. Взметнулся оттуда по деревянной стене к покосившимся надтреснутым ставням, по сухим листьям плюща, вьевшегося в старую иштукатурку, и взобрался на крышу. И поначалу это было завораживающее зрелище, огонь был прозрачен и быстр. И красив. Очень красив.

А затем послышались крики: «Пожар! Пожар!». Кто-то её толкнул. Бежали люди, но не к огню, а прочь. Тушить никто не собирался. Горячий шёпот: «Спрячь это!» и «Беги! Так быстро, как только сможешь!». И визг – женицину тащили за волосы вниз по лестнице.

Она побежала. Сжимая свёрток в руке – тряпица вытертого красного бархата. Тайник. Тот, в котором она прятала рыболовные крючки, нехитрые украшения и деньги, что ей давали за танец на улице.

И ей хотелось плакать. Но горло сжали железные тиски.

– Очнись, Кэтриона. Ты меня слышишь?

Веки и тело налились тяжестью. Огонь потемнел и отступил и Кэтриона очнулась.

Это просто очередной сон. Снова её тревожат остатки чьей-то чужой памяти, чьих-то вещей, к которым она прикасалась. Иногда эти воспоминания возвращаются к ней во снах, и они так реальны, что ей кажется, будто всё это было с ней. Может быть, это всё потому, что она не помнит своего прошлого?

Кэтриона открыла глаза.

Наконец-то боль прошла. И слабость. Пошевелила пальцами, ощутив под ними липкую грязь. А ещё тошнотворный запах.

Она в лекарне. И откуда-то издалека доносился голос Магнуса – одного из старших аладиров Ордена, её наставника и учителя.

– Ну же, Кэтриона? Очнись.

Она открыла глаза. И правда, в лекарне – в пещерах старой Адды. В больших каменных ваннах грязь и вода, которая воняет кровью и тухлыми яйцами. Но Адда говорит, что это железо и сера. И Кэтриона лежит в одной из таких ванн. Тёплая ванна – это божественно! Пусть воняет она... серой и железом, ей всё равно, лишь бы помогало.

Тускло горят светильники, где-то капает вода, в нише – склянки из темного стекла. И едва Кэтриона успела открыть глаза, как чьи-то руки поднесли к её губам ковш с отваром. Она выпила жадно. И лучше не спрашивать, что это за отвар. Хотя он и пахнет терпко хвоей и золотым корнем, полынью и чабрецом с мёдом, но Кэтриона не раз видела, что добавляет Адда в свои отвары. Зато потом станет лучше. К вечеру она уже будет совершенно здорова.

Она отпустила ковш. Магнус сидел рядом на каменной ступени и терпеливо ждал.

– Здравствуй, Кэтриона, я рад видеть, что ты жива, – он скупой улыбнулся.

А уж она как рада быть живой!

Волосы аладира стрижены коротко, наполовину седые, и борода тоже. Магнус не любит длинной бороды. Чёрные глаза глубоко посажены и смотрят пронзительно. По правой щеке от виска тянется кривой безобразный шрам, опустивший одну бровь и потянувший веко вниз. Это придает его взгляду какую-то странную жёсткость и печаль. Она даже как-то соскучилась по этому взгляду. Сегодня Магнус был одет по-домашнему, в серый хитон, подпоясанный ремнем с серебряными бляхами, и сандалии – видимо, или уже очень поздно, или ещё слишком рано.

Он перехватил её взгляд, скользнувший по одежде, и усмехнулся.

– Утро ещё. Меня с постели подняли, сказали, что ты приехала.

– Это хорошо, – пробормотала Кэтриона хрипло и прокашлялась.

Желудок от варева Адды вдруг скрутило, и зверски захотелось есть. Ну, значит, жить будет.

– Руку тебе подлатали уже, кто это тебя так? И где? Рана свежая...

Кэтриона поморгала, прогоняя остатки обморока, и произнесла без обиняков:

– У меня есть две новости. И обе плохие. С какой начать?

– С любой, – с лица аладира мгновенно сошли все следы скупой радости.

– С любой... Ну, тогда пойдем от плохого к худшему, – она запрокинула голову на травяную подушку и, глядя куда-то в темноту каменных сводов, произнесла буднично: – Вчера вечером в Рокне убили Крэда.

Магнус слушал её рассказ об этом молча, не перебивая и не задавая вопросов, а когда она закончила, некоторое время в раздумьях разглядывал склянки в нише.

– И ты думаешь, что это Сумрачные псы? – спросил он негромко. – Не побоялись убить рыцаря Ирдиона?

– Ну сам посуди, коня я взяла у борделя. В борделе были только псы и оружейники, и убийца дрался за этого коня, как ненормальный. Я, конечно, понимаю, что конь эддарской породы стоит целое состояние, но жизнь-то дороже, а его жизнь висела на волоске. Да и полагаю, заработки некоторых псов позволяют купить такую лошадь. Собственно, это именно он

меня так и уделал, навыки у него, как у очень хорошего пса. И я бы сказала, он даже слишком ловкий – убивать его профессия. И псам ведь всё равно кого убивать, лишь бы платили. Крэд жил тайно, никто не знал, что он из Ирдиона, псы тоже могли не знать. Им заплатили – они взялись за работу. Интересно, а в остальных случаях кто-то нанимал разных убийц или всегда только псов? Это сужает круг. Вопрос в том, что эта буква на стене... Она ведь что-то значит? Это послание, и нужно понять, о чём оно, – Кэтриона задавала вопросы, но ответов от аладира не ждала.

Сейчас, когда силы постепенно возвращались, она смогла, наконец, мыслить логично.

– А что его вещи и аура места? – спросил Магнус.

– Я была без сил, поэтому ауру не смотрела. И вещи тоже. Но они у меня с собой, сейчас займусь ими... ну, как только что-нибудь съем, – она усмехнулась.

Аладир улыбнулся едва заметно.

– Ты понимаешь, Магнус, теперь у нас наконец-то есть ниточка, – Кэтриона посмотрела на него внимательно, – через псов можно найти того, кто им заплатил.

– Возможно... Хорошо, изучишь всё и сразу ко мне. А я пошлю в гильдию своего человека, разузнать. Вечером будет Совет старших стражей, надо обсудить это на нём.

Он встал, собираясь уходить, но спохватился.

– А, кстати, что за вторая новость?

– А я уж думала, ты не спросишь, – она снова усмехнулась.

– Вижу, тебе уже лучше, раз ты подтруниваешь над своим учителем, – он снова присел рядом.

– Как видишь – Адда творит чудеса. Ты же слышал историю о лаарском звере? – она прищурилась.

– О звере? – удивленно спросил Магнус. – Конечно. Огромный горный лев, который нападает на селян? Или медведь? Или волк, которым лаарцы травят несчастных жителей предгорий с помощью колдовства. Показания расходятся в зависимости от количества выпитого.

– Да, да тот самый зверь. А ты никогда не думал о том, что в этих историях есть часть правды, и что это не просто зверь?

Магнус посмотрел на неё внимательно, будто пытаясь прочесть её мысли, но в карих глазах Кэтрионы не отражались ничего, и он, пожав плечами, ответил:

– А кто, по-твоему? Порождение тьмы? – аладир развел руками. – Скорее всего, это вполне себе натуральный зверь, может, просто очень большой. А на самом деле, ты же понимаешь, что потерявшуюся овцу всегда проще списать на зверя, чем на собственную бестолковость. С годами история обросла такими враками, что, может, давно уже и зверя никакого нет, но польза селянам от баек о нём всё ещё есть. Мы ведь ни разу не обнаружили никаких признаков магии. Вообще. Медвежьи когти, волчья шерсть, петушиная кровь – вот и всё, что удавалось найти на местах нападения зверя.

Кэтриона рывком села в ванне, схватившись руками за её края так, что между ней и аладиром осталось расстояние не больше двух локтей, и произнесла, глядя прямо в его тёмные глаза:

– Послушай, то, что говорят, что это лев или медведь – всё это неправда. Никакой это ни лев, ни медведь и ни волк! Я была проездом в Брохе, это приграничье с Лааре, и видела, что сделал этот зверь. Не поленись, вон лежат мои штаны, возьми из кармана кое-что.

Магнус вынул сверток, перевязанный красной ниткой, развернул на коленях и достал кусок бежевого шёлка с вышивкой – три алых лепестка и зеленая ветка. И бурые капли крови на ткани.

Левая бровь аладира, не изуродованная шрамом, поползла вверх.

– Ты вышивала в дороге?

Она усмехнулась.

– Я тоже по тебе скучала! – и добавила уже серьезно: – Но – это не моё. А дальше будет самое интересное, – она снова погрузилась в грязь, откинула голову на подушку и, прикрыв глаза, продолжила рассказ: – Эта вышивка выпала из кареты одной юной леди, которую отряд генерала Альбы вёз в Рокну. Что само по себе интересно, но об этом потом. Так вот, эта вышивка выпала из кареты юной леди где-то на мосту через Серебрянку, примерно около полудня. И пока отряд доехал в Брех, а было это уже к вечеру, в предместье наведалься тот самый зверь и вырезал шесть человек в лавке какого-то скорняка. Да так, что никто ничего не видел и не слышал, и всё это посреди бела дня. А потом нацепил вот эту вышивку на дверь прямо перед приездом юной леди с отрядом. То есть этот «просто большой волк» подобрал вышивку, полюбовался на неё, повздыхал, а потом отмахал двадцать квардов через горы, вырезал шесть человек и повесил эту вышивку на дверь лавки к приезду юной леди – порадовать её решил, – Кэтриона открыла глаза и посмотрела на аладира. – По-твоему, это «натуральный» зверь? Я бы сказала, что он вполне себе не натуральный. Я была там, Магнус, я смотрела ауру того места, не зная по глупости, куда лезу. А там... там всё было черно, да не просто черно, не какая-нибудь там рябь, Магнус, не волны, даже не прибой! Там ни девка жениха привораживала, ни порчу наводила на соперницу, ни кто-то хотел будущее узнать или известить соседа, там кто-то открывал Врата! Я никогда ничего подобного не видела! Чтобы выбраться оттуда, я потратила все свои силы, я потеряла связь с нашим Источником – слишком глубоко провалилась и думала не смогу вернуться...

Она говорила уже громче и размахивала рукой так, что капли грязи отлетели и упали на серый хитон аладира, но он этого даже не заметил.

– Врата? Ты уверена? – Магнус сцепил пальцы, склонил голову на бок, и вид у него был задумчивый и печальный.

– От Бреха до Рокны я поехала самым кратким путём, опять же по глупости, – Кэтриона потерла рукой лоб, оставив на нем полосу жирной грязи, – вот гадство! Я едва осталась жива, Магнус! Уверена ли я? О да, я уверена! Но это ещё не все сюрпризы. Я слышала, о чем говорили люди генерала. Тут всё ещё интереснее. Люди эти бегают за Зверем как минимум года три. И, казалось бы, бегать им с рогатиной или копьем, а ты бы видел, что они с собой таскают! Чего стоит только сеть с серебром и чёрной ртутью, обсидиановые наконечники стрел, «Серебряный страж»! Да они были обвешаны амулетами, как корова репьями! Там одной амуниции на них было на тысячи ланей – они знали против кого идут!

– Страх заставлял людей делать и не такое, – негромко ответил аладир.

– Страх? От страха купить «Серебряного стража»? Какой страх? Они солдаты, Магнус! – она шлепнула рукой по краю ванны. – Ладно, ты мне не веришь, хорошо, теперь десерт. Селяне сразу после этого спалили амбар, но лавку оставили – староста запретил сжигать, велел ждать наших рыцарей. А вот ночью лавку всё-таки кто-то поджег. И не просто поджег, залил нашим огнем, да так, что сгорело всё дотла и ещё две лавки рядом. Наши рыцари приехали утром и, само собой, никаких следов не осталось. Селяне были все как один пьяны и несли такую ахинею, что... даже не буду пересказывать. Из наших там был Раддис, я говорила с ним, но толку! Кто бы ни заметал следы, он знал, что делает. И... у него был для этого наш огонь! Откуда, интересно? Само собой, Раддис ничего не нашел. Им просто нечего было там искать, всё было уничтожено, так что они уехали. А теперь вопросы: кто и зачем замел следы? Откуда у него наш огонь? И как он появился там так быстро? Что, если это было не только в Брехе? Для чего и кому всё это нужно? – она подалась вперед, снова глядя аладире прямо в глаза и добавила уже тише: – Ты понимаешь, что это всё значит?

Он ответил не сразу, помолчал, будто подбирал слова, а потом произнес медленно, делая паузы:

– Если ты права... Предположим, что ты права, а всё это не от того, что ты зацепила сгустки чужих страхов или слишком долго пробыла в Дэе... Предположим... что ты не пила странных напитков и не ела странных грибов...

– Магнус! – Кэтриона посмотрела на него укоризненно.

– ...предположим, то... что ты видела – реально... что, вообще-то, было бы маловероятно, потому что для открытия Врат нужна печать... А печать, как ты знаешь...

– ...хранится здесь в Ирдионе! Магнус, пес тебя задери, да я знаю, знаю! Но я не ела грибов и не пила полынного вина! Или прочего, про что ты там подумал. Это было. Точка. Можешь верить, можешь нет. Но кто-то открывал Врата, а потом их закрыл. И этот кто-то замел следы, чтобы мы ничего не нашли. И если это происходит уже давно, а лаарскому зверю скоро исполнится семь лет, то... ну ты сам уже всё домыслил.

Магнус смотрел на склянки – хмурая складка залегла у него между бровей. И он был серьезен. Кэтриона чувствовала это.

– Да, кстати, что там идет после десерта? Рюмка клярета? – спросила она насмешливо, рисуя пальцами на грязи неопределенный узор.

– Мальвазии.

– Хорошо. На десерт. Из Броха все удрали после такого происшествия: покупатели, гости, проезжие, купцы, даже почтовая карета укатила. Староста послал за рыцарями, но они не особо торопились, что, кстати, странно. Не осталось никого, кроме отряда генерала Альбы, меня и ещё одного господина, который приехал позже и нисколько не испугался всей этой истории со зверем и того, что вскоре появятся рыцари. И он остался и заночевал там, вполне себе приличный господин, и я видела его уже, кажется. Но одет он был не для верховой езды, а лошадь навьючена. И что бы ему было там делать? А ближе к утру он исчез, сразу после того, как сгорели лавки. С чего бы такая поспешность? Ты понимаешь, к чему я клоню?

– И где ты раньше его видела?

– Здесь в Рокне, на каком-то приеме или балу. Я помню его лицо. И я его легко узнаю, если увижу снова.

– И ты думаешь, это он заметал следы? – спросил Магнус, но вопрос был риторический.

– Я не знаю. Но всё это вкупе с убийством Крэда мне кажется очень странным совпадением. А ты же знаешь, что я не верю в совпадения. Я верю в знаки. И если ты думаешь о том же, о чем и я, то не стоит выносить эту новость на Совет старших стражей... Хотя бы до того момента, пока я не проверю вещи, которые привезла с собой.

– Хорошо.

Аладир встал.

– Кстати, а ты знал, что у генерала Альбы есть незаконнорожденная дочь?

– Бастардами меня не удивишь.

– А то, что она веда, тебе как?

– Веда? Ну... такое тоже возможно... Хотя и странно.

– А то, что генерал прятал её много лет в Обители Тары, а теперь спешно везет в Рокну с целым отрядом отлично вооруженных людей? Не странно ли? Да ещё и не просто вооруженных, а готовых к встрече с подобным зверем. И зверь этот увлекся именно её вышивкой. Не знаю, Магнус, я уже вторую неделю иду от одной странности к другой. Но если я даже наполовину права, то в мире появилось что-то, что позволяет открывать Врата, и находится оно не у нас. А это достаточно паршивая новость.

– Кэтриона, я уже всё понял, не стоит нагнетать, – аладир потер переносицу так, словно у него начала болеть голова, – как закончишь с вещами – сразу ко мне. Ни с кем не говори. А я пока кое-что проверю и очень надеюсь, что ты все-таки пила странные напитки или ела странные грибы...

– Магнус!

– ...потому что иначе всё это и правда выглядит достаточно паршиво.

* * *

В седельных сумках её нового коня почти ничего полезного не оказалось: баночка мази от ран, кусок чистого полотна, нож и деревянная фигурка лошади, у которой законченной была только голова. Но голова была вырезана искусно.

Кэтриона присела на нагретую солнцем каменную скамью во внутреннем дворе, разложила рядом вещи, долго глядела на море, а потом взяла в руки баночку мази и закрыла глаза. Опустила щиты и провалилась в серую дымку чужой памяти...

Аптекарь в выцветшем голубом колпаке, очки, короткая борода. Позади – полки с мешочками и склянками, ступка, пестик, старые часы с совой.

– Три лани, милорд. Намазывать и ждать, пока не схватится, потом уже повязку накладывать.

Баночка перекочевала в чужие руки. А дальше темнота...

– Интересно, – Кэтриона отложила баночку и взяла кусок полотна...

Заунывная таврачья мелодия, кто-то поет. Небольшой сундук с вещами под деревянной лестницей. Узловатые мужские пальцы достают и протягивают кусок полотна с вопросом:

– К уржину ждать или как вчера?

А дальше снова темнота.

– Даже очень интересно, – пробормотала Кэтриона, понимая, что в этих вещах есть чья угодно память, только не того, кто ей нужен. – А ты умеешь прятать следы.

И, не открывая глаз, нащупала деревянную лошадь.

В нос ударил смрадный запах гари, горящего дерева, волос и плоти. Не просто запах. Запах, смешанный с отчаяньем, болью, страхом и яростью. Он обвился вокруг шеи, как удавка, сжал горло липкими пальцами, не давая вдохнуть.

Её накрыло волной дрожи, и по сердцу полоснуло ножом – беги!

От неожиданности она выронила фигурку и закашлялась, хватаясь руками за горло.

– Боги милосердные! Это что ещё такое! – Кэтриона откинулась на спинку скамьи, глубоко дыша, еле справившись со спазмами в горле.

Такое с ней было впервые. Память вещей редко хранит запахи и ощущения, только звуки и картинки. Но это было ни на что не похоже. Не было ни звуков, ни картинки, были только ощущения и запахи, словно она вдруг влезла в кожу того, кто всё это чувствовал, а не просто смотрела со стороны.

Снова взяла лошадь в руки. В этот раз она будет осторожнее...

Таверна. Люди за столом, всё как в тумане или в хлопьях ваты, лиц почти не различить.

– ...ковен ведьм...

– ...святой отец против ковена...

Играют в карты? Ну конечно! Это же турнир!

И вдруг чётко проступило лицо одного из игроков: высокий лоб, тонкий нос с горбинкой, презрительная усмешка на губах, волосы стянуты чёрной лентой. Взгляд не добрый, да и вообще он похож на пирата...

– Сейд... Убирай его...

Чей-то тихий голос. Станный голос, будто она его уже где-то слышала. Да, так и есть, это же голос хозяина деревянной лошадки – убийцы Крэда!

И снова запах дыма, правда, уже не такой явный...

А дальше – темнота.

Кэтриона открыла глаза. Сложила вещи в сумку и пошла на конюшню. Осмотрела седло, упряжь и плащ, но они не сказали ей ровным счетом ничего.

Кто бы он ни был – убийца Крэда – он точно знает, как не оставлять следов, даже таких, как память вещей, к которым прикасался. Она вспомнила медальон Гайры, который хранил в себе так много всего. А этот убийца – не обычный пёс, не из тех, кто умеет только выбивать долги из селян да махать мечом. Похоже на то, что он знал, кто такой Крэд на самом деле, иначе не был бы так осторожен. Аптекарь называл его «милорд», у него есть слуга – таврак, и он умеет прятаться от таких, как Кэтриона. А ещё карточный турнир, но сам он не играл...

В Рокне не так много аптек, так что она легко найдет аптекаря, да и баночка деревянная подскажет. Ещё таверна, где проходил турнир. Бордель и Гильдия оружейников, главное – не нарваться на Гайру.

Она закрыла глаза, положив руку на шею лошади, попыталась вспомнить, как же он выглядел...

Он на полголовы выше неё, ловкий, вёрткий, сильный, худой. Волосы чёрные. Глаз в темноте она не рассмотрела. Ещё есть его конь. Довольно приметный. Бордельный пёс может его узнать, если, конечно, не вспомнит её удар в пах.

Она найдет его. Найдёт обязательно. Найдёт и убьёт.

– Кто же ты такой? – прошептала Кэтриона, держа ладони на седле и пытаясь вытащить из вещей ещё хоть какие-то крохи памяти, но в ответ только конь отозвался ржанием.

Он ведь с лёгкостью убил бы её, если бы не этот конь, который спутал его планы.

– Ты меня спас, дружок. Спасибо тебе за это. Ну и как мне тебя называть? – она открыла глаза и похлопала коня по гриве.

Когда она собралась просмотреть бумаги Крэда, её вызвали к Магнусу.

Старший аладир стоял у окна в библиотеке, разглядывая тающие в дымке скалы одного из островов. Он повернулся, услышав её шаги, и Кэтриона сразу всё поняла. Никогда ещё лицо Магнуса не было таким мрачным.

– Значит, всё правда? – спросила она, остановившись у стола со свитками.

– Не то чтобы всё, но мне кажется, в чём-то ты была права. Идем.

Они шли к башне длинными коридорами, затем преодолели триста пятьдесят восемь ступеней вверх, и дальше – через самый прекрасный сад в мире, вскормленный тысячами душ послушников Ордена.

Кэтриона никогда не бывала здесь – доступ внутрь только избранным. И воображение рисовало разное, но внутри башня оказалась обычной библиотекой. Кругом лежали тубы и кофры со свитками, вдоль стен – сундуки и полки с книгами в переплетах из толстой кожи. На большом столе – астролябия и планисфера, а на стенах – карты. Вверх уходила лестница, по которой астролог поднимался к маяку и следил за звездами. Они прошли сквозь большой зал и открыли потайную дверь.

Кэтриона видела печать впервые. Она была большой, наверное, с две ладони, и похожа на лист клевера с четырьмя лепестками. Но она никогда бы не подумала, что печать, которая держит запертыми двери в другой мир, будет выглядеть так обыденно.

– Ты знаешь историю этой печати? – спросил Магнус, став рядом с постаментом, на котором она лежала.

– Нет.

– Чуть позже я тебе её расскажу. А пока смотри, – он провёл рукой над лепестками, – вот это – четыре Стража, а в центре должно быть Сердце. Посмотри внимательно, ничего не кажется тебе странным?

Он успел перехватить руку Кэтрионы и воскликнул:

– Не трогай! В них столько памяти, что это может тебя убить. Просто поднеси руку, не касаясь.

От лепестков шла сила, и Кэтриона закрыла глаза.

– Что ты чувствуешь? Расскажи.

- Ветер... Морской бриз... Песчаная буря... Метель...
- Всё верно. Это Страж Востока. Дальше.
- Тепло. Солнце... Горит огонь, течет лава...
- Да. Это Страж Юга. Дальше.
- Гроза над морем. Водопады...
- Это страж Запада. Дальше.

Кэтриона открыла глаза. Её рука над четвертым лепестком печати ничего не чувствовала.

- Ничего. От этого лепестка – ничего.
- Уверена?
- Да.

Магнус дотронулся до лепестка и вынул его из углубления.

- Она не цельная? – спросила Кэтриона удивленно.
- Печать? Нет, её скрепляет Сердце. Соединяет все силы вместе.
- А что такое Сердце?

Углубление в центре печати было пустым.

– Сердце, это Зелёная звезда – Источник вед. Возьми, – аладир протянул ей лепесток, – что ты чувствуешь?

Она взяла его осторожно, подержала в руках, закрыла глаза. Что-то различить было почти невозможно, слишком уж размыто, но кое-что она всё-таки увидела.

- Мальчик вращает гончарный круг.
- А ещё?
- Что-то обжигает в печи. Красит. Пять ланей. И...

Она открыла глаза, посмотрела на Магнуса.

- И?
- ...его убивают.
- А дальше?
- Всё. Дальше – темнота. Это обманка, Магнус, не печать, а сделанная на заказ копия.
- Сколько лет этим воспоминаниям?
- Не могу определить, след очень мутный. Видимо память стёрли. Но точно больше десяти лет.

– Страж Севера, – задумчиво произнес аладир, забирая лепесток из рук Кэтрионы, – прайды Тверди. Ибекс, Тур и Лань.

- И что это значит?

– Это значит, – воскликнул аладир, сжимая лепесток, – что провалиться мне в Дэйю! Как же мы были слепы!

Глава 5. Все хотят быть в курсе событий

Кэтриону в зал не пустили. Совет проходил при закрытых дверях. Но Магнус велел держаться поблизости, и она устроилась в нише большого стрельчатого окна, прямо напротив дверей, ведущих в малый зал.

Она видела хмурые лица Старших Стражей, как они стояли в коридоре по двое, тихо переговариваясь друг с другом. Соколы и бойцы Ордена – Байса, Эмунт, Рóшер и Ксайр. Каждый из них руководил четвертью крыла и отвечал за свою территорию. Появился магистр, и они склонили головы, приложив руку к сердцу. Он шел медленно, горбясь и опираясь на трость. Его белый плащ был короче, чем у других рыцарей – ноги держали магистра с трудом и потому полы плаща укоротили специально, чтобы он на них не наступал. Его волосы давно выбелило время, и кожа стала похожа на пергамент, и лишь глаза оставались всё такими же яркими – слишком синими и молодыми для его избороденного глубокими морщинами лица.

Сколько ему лет? Много. Очень много. Так много, что уже даже чудесница Адда своими микстурами с трудом поддерживает жизнь в его теле. И иногда Кэтрионе казалось, глядя в эти глаза, что магистр рад был бы перестать следовать указаниям Адды.

За магистром шли астролог со свитком в тубе и старший казначей. Поодаль: Магнус – командор крыла Сов и главный разведчик Ордена, Адда – старший лекарь, Пётра – куратор Обитателей Тары и Кмирр – старший настоятель над послушниками. Замыкала процессию Ребекка – глава дипломатии Ордена, прекрасный эмпат, и королева лжецов, как называл её Магнус.

Двери закрылись, а Кэтриона взялась за сумку с бумагами Крэда. Совет будет долгим, и у неё есть время, чтобы узнать, зачем же он её искал.

Первым попался свиток с отчетами перед казначеем Ордена о потраченных деньгах: свечи, мыло, провизия, овес, мазь от больных суставов – ничего интересного. Затем доклад Магнусу за неделю о всплесках. И он был длинным. Перед осенним карнавалом и Балом невест город бурлил, а Крэд не отличался лаконичностью. Он подробно перечислял всех торговков приворотным зельем, продавцов амулетов на удачу, разорви-корня и камней от сглаза, и каждый случай он сопровождал подробным описанием одежды и внешности подозреваемых, и даже цвет склянок упоминал, в которых продавалось зелье. Большая часть из этих людей была, конечно, просто мошенниками, и о них и вовсе можно было не писать, но Крэд всегда отличался педантичностью и следовал протоколу.

Хоть двери и были прикрыты плотно, но обостренный слух Кэтрионы всё же улавливал восклицания и обрывки фраз.

– ...да как ты смеешь! – гремел голос Ксайра.

– ...прошу успокоиться...

– ...лаарцы? И, по-твоему, Ксайр, это моя вина? Да, они писали! Но Север – вотчина Рошера, и, как мы знаем, ни один случай не подтвердился, – мягкий голос Ребекки.

Кэтриона отложила отчеты – ничего интересного, обычная рутина, которую поручают новичкам. Почему этим занимался Крэд? Когда-то давно он служил у Магнуса, а после того, как Магнус стал главным разведчиком и его место занял Байса, всё равно сохранил хорошие отношения с бывшим командором. Он ведь он не просто так скрывался под личиной обычного горожанина. Интересно, за кем он следил?

Она спросила об этом у Магнуса напрямую, но тот ушел от ответа.

– ...может быть, ты знаешь лучше нас, когда это произошло? – снова голос Ксайра.

– На что ты намекаешь? – рыкнул Байса.

– ...не время сейчас...

– Полагаю, мы должны выяснить всё поэтапно, – снова умиротворяющий голос Ребекки. – Но печать найти важнее всего!

Из всех бумаг Кэтрионе показались интересными только две: тщательно переписанные портовые книги со списками пассажиров, прибывших на ашуманских кораблях, и черновик письма, адресованного Магнусу.

Списки – длинные вереницы имен, сословий и профессий, а ещё даты прибытия, были составлены убористым почерком Крэда. Имен было много. Книги оказались переписаны почти за семь лет, и свитков этих в её сумке было большинство. Часть из них Крэд пометил какими-то значками. Кэтриона закрыла глаза, положив ладонь на бумаги, и попыталась уловить частички памяти...

Шелест волн, скрип уключин и доносящаяся издали брань грузчиков. Порт. Несколько ланей падают на стол, и старые книги в переплетах из телячьей кожи отправляются в сундуках из каморки портового смотрителя в карету. Крэд, скрипящий гусиным пером, бормотанье, свеча, но в книгах так много всего – вереницы лиц, бесконечные корабли под красными и белыми парусами, бочки, тюки, ящики, сундуки, и люди, люди, люди...

– Кого же ты искал? – спросила Кэтриона вслух.

Но в бумагах ответа не было.

– ... пока что мы все не в безопасности, и нужно найти убийцу – это важнее всего, – голос Магнуса.

– ...ты же слышал, что говорят звёзды? Разверзнутся врата! Нужно найти печать! – настойчивый голос Ребекки. – А убийцей займутся вон пусть хоть костоломы Рошера!

– ...когда Боги хотят наказать – они лишают разума!

– ...после того, как мы столько лет не замечали Зверя у себя под носом? Я – Страж Севера, и я столько лет этого не видел! Я хочу его найти! Кого видела твоя шейда в Брохе? Кто-то с ирдонским огнем разгуливает у нас на заднем дворе, и мы об этом ничего не знаем! – Рошер возмущен. – Он мне нужен! Я должен знать, кто стоит за этим Зверем! И я не могу ждать!

– ...полагаю, искать печать и убийцу нужно одновременно, – голос Ребекки снова перекрыл все другие голоса. – И искать печать нужно с помощью людей Магнуса, это дело Сов, а не Соколов.

– ...и ты не права! Нужно поднять всех! Каждого! Каждого бойца!

Черновик письма Магнусу занимал четверть листа. Начала у письма не было, видимо, осталось на другом листе.

«... и по вашему поручению, разговаривал с настоятельницей Айлин из Обители Тары в Рокне. Она почти не помнит того, что произошло, говорит, восемнадцать лет прошло (можно было бы прислать шейду, чтобы её прочесть), помнит только то, что девчонка сбежала. Но мне удалось забрать у неё одну вещицу, которая принадлежала девчонке, это может быть полезным, если прочитать её память...».

Далее письмо было перечеркнуто, но поскольку половина листа осталась чистой, а Крэд был страшным скрягой, то, вероятнее всего, он оставил его для других пометок.

Крэд разыскивал кого-то для Магнуса? Интересно. Кто эта «девчонка»?

Байса и Магнус не слишком друг друга любили, а значит, Крэд делал это втайне от своего командора, и по старой дружбе.

...поднять всех? Послушай, – Ребекка говорила мягко, обволакивая своим голосом, словно патокой, – представь, что начнется, если весть об этом просочится куда-то за стены этой комнаты? Только ленивый не бросится искать нашу печать. Набегут ашуманские колдуны, из-под полы начнут предлагать подделки, и в этом шуме потеряется любой стоящий след. Понимаешь? Нам ни к чему лишний шум. Никто! Никто, кроме тех, кто в этой комнате, не

должен об этом знать. А главное, подумай, как мы будем выглядеть в глазах других? Над нами будут смеяться все от Эддара до Скандры! Я не могу допустить этого!

– ...она права...

– ...но как?

– ...мы сохраним это в тайне?

На дне сумки лежала шкатулка. Маленькая деревянная шкатулка из тика, украшенная переплетением змей в виде восьмерок. Ашуманский узор. В Ашумане змея – священное животное. И шкатулка эта не простая, с секретом.

Кэтриона повертела её, закрыла глаза, осторожно опустила щиты – мало ли что может быть внутри. Но шкатулка молчала. Никакой памяти. От неё шло лишь слабое свечение, а значит, внутри что-то есть. Что-то особенное.

– Как же тебя открыть? – спросила Кэтриона вслух, водя пальцами по гладкой лаковой поверхности.

Сломать нельзя, на то и нужны такие шкатулки, чтобы тайное оставалось тайным. Но она всё равно разгадает её секрет, нужно только время.

Двери открылись.

– Кэтриона? Зайди.

Она бросила шкатулку и бумаги в сумку.

В зале было сумрачно, в открытые окна задувал тёплый ветер с моря, чуть шевеля кисейные занавеси. Кэтриона окинула взглядом комнату. Под куполом зала висела тяжёлая люстра с двенадцатью рожками. На стенах – фрески с изображениями событий из Летописи Ордена, и портреты магистров, взиравшие на всё отрешенно. А за столом хмурые лица, которые смотрели на Кэтриону так, словно это она была виновницей всех навалившихся бед.

Хоть она всего лишь вестница. Гонец. Но именно гонцов всегда хочется убить первыми.

Вот же не повезло.

Она остановилась, не дойдя до стола, и поправила сумку на плече. Ей навстречу встала Ребекка и улыбнулась. Улыбка у неё была тёплой, но Кэтриона знала, что это лишь маска. У неё много масок, и это соперничество лишь одна из них – на самом деле Ребекку волнует лишь Ребекка и её положение в Ордене. Если бы Кэтриону сейчас повесили здесь на благо Ирдиона, то она бы даже бровью не повела.

– Тебе выпала великая честь...

Великая честь? Ей выпала великая честь.

Так называлось то, что ей поручили.

Когда закончился Совет, была уже ночь.

Кэтриона ушла до его окончания, и дожидалась Магнуса в его покоях. Он вернулся уставший, хмурый и злой, сел в кресло, и некоторое время смотрел в окно, барабанив пальцами по столу. А Кэтриона молчала, зная, что не стоит прерывать размышления аладира.

– Забудь всё, что тебе сказала Ребекка, – произнес он, наконец, забросив ногу на ногу. – На рассвете выезжай в Рокну, мне нужно, чтобы ты нашла убийцу Крэда. И как можно скорее. Это сейчас самое главное.

– А печать? – удивилась она.

– Печать? – Магнус усмехнулся. – Ты сказала, что этим воспоминаниям больше десяти лет, мы прожили без неё десять лет, проживем и ещё пару недель.

– Но... как же предсказания астролога? А Зверь?

Магнус был чем-то расстроен, и похоже что совсем не пропажей печати.

– Наш астролог предсказывает хляби небесные каждое полнолуние, летом – засуху, зимой – ледяной мост через всё море до Ашумана, но я что-то не припомню, чтобы хоть раз это всё сбылось. Звезды есть звезды, они лишь говорят о том, что может случиться, – Магнус

перевел взгляд на Кэтриону и добавил тише, – а может и не случиться. Главное тут – это самое «может». А я верю в то, что всё зависит от нас. Так что, думаю, пара недель у нас все-таки есть.

Кэтриона смотрела на аладира, и у неё было странное чувство. Ей казалось, что она совсем не понимает того, что происходит, не понимает того, что она слышала сквозь двери малого зала, и того, что говорила ей Ребекка от лица Совета.

– Почему это так важно? Найти убийцу? Магнус, расскажи мне то, чего я не знаю...

Он посмотрел на неё взглядом полным печали.

– Ты знаешь всё, что тебе нужно знать, – словно отрезал, – остальное тебя не касается. Так что поезжай утром. Мне нужно имя убийцы. Пока след ещё свеж, и ты подобралась к нему очень близко. Я думаю, это не займет много времени, а потом займешься печатью. Какой у тебя план?

– Воспоминая от вещей убийцы дали кое-что. Так что начну с Гильдии оружейников, потом комната Крэда, карточные турниры, аптекарь – у меня много следов.

– Я дам тебе кого-нибудь из соколов.

– Нет, – ответила Кэтриона, – мне не нужно лишнее внимание.

– Да, ты права, пожалуй. Но только... ты должна помнить, что этот убийца, если он узнает тебя, если решит, что ты его видела – он может захотеть убить и тебя.

– Было темно, он меня не мог разглядеть. Да и не знал он, кто я. Нет, мне не нужны сопровождающие. Я... лучше одна.

– Как знаешь. Только у Тайлы не показывайся. В Рокне у меня есть человек, он всем тебе поможет. И ещё...

Магнус встал, подошел к окну, посмотрел на тёмное море, тихо вздыхающее у каменных стен.

– ...раз уж ты едешь в Рокну. Там как раз начинается Бал невест и маскарад. В этом году будет королева – соберется весь свет. И ты можешь встретить того господина, которого видела в Брохе на постоялом дворе. Пожалуй, это будет первый шаг в истории со Зверем. Я дам тебе женщину – местную сваху, она всё устроит. Но сначала – убийца Крэда. И... не стоит разочаровывать Ребекку – если она спросит, скажешь ей, что занимаешься печатью. А если найдешь этого человека – немедленно сообщи мне...

Когда она уходила, Магнус спросил уже в дверях:

– Ты нашла что-нибудь в бумагах Крэда?

– Ничего стоящего. Одни портовые книги. Не знаю, что он хотел в них найти.

Кэтриона ушла в недоумении. Убийство Крэда хоть и неприятное событие, но в чем такая уж его важность? Вокруг предостаточно тех, кто ненавидит рыцарей Ордена, тех, чьи дома сожгли и чьих родных обвинили в колдовстве. Мститель выглядела бы вполне логично. И ловить мстителей вообще дело Тайной стражи, ну или Байсы с его соколами – Рокна его территория. Но Магнус что-то знал... и не говорил.

И она впервые ему соврала, сказав, что ничего стоящего в бумагах не было. От этого внутри осталось неприятное ощущение.

Она вернулась в свою комнату, и только бросила сумку на стол, как в дверь осторожно постучали, и тут же в комнату проник нежный фиалковый запах – вошла Ребекка.

Она сменила парадное одеяние на длинную тунику, распустила чёрные волосы и сейчас казалась гораздо моложе своих лет. А хотя... сколько ей лет? Когда Кэтриона впервые попала в Орден, Ребекка была точно такой же: красивой, умной и лживой. Вернее, дипломатичной. И с тех пор она нисколько не изменилась.

– Я хотела поговорить с тобой... без мужчин. Я присяду? – улыбнулась она, села на стул, не дожидаясь приглашения, и стала поигрывать кистями пояса.

Она могла бы не спрашивать разрешения, она могла бы просто вызвать Кэтриону в свои покои, но снизошла до того, чтобы явиться лично. Значит ей что-то нужно. И очень сильно.

Её голубые глаза были прозрачны и чисты, а лицо – с него только писать картины грешниц. Или мучениц – зависело от настроения Ребекки. И говорила она, будто кошка ступала по песку мягкими лапами, тихо и вкрадчиво.

Кэтриона прислонилась к стене, скрестив на груди руки.

– Ты же понимаешь, как важна эта печать? – спросила Ребекка, окидывая взглядом комнату.

– Понимаю.

– И если кто-то узнает о её пропаже... наша слабость станет очевидной. Кэтриона, мы сейчас очень уязвимы – магистр стар, а командоры слишком честолюбивы и думают только о себе, о том, как занять его место. И никто не думает о чести и интересах Ордена...

Кроме тебя...

– ...Если кто-то узнает о нашей слабости – завтра убийц рыцарей может стать гораздо больше. Поэтому – никто узнать не должен, – Ребекка встала и принялась ходить по комнате, – то, что лаарский Зверь один и появляется лишь на границе, иногда убивая селян – это хороший знак, потому что попади печать в умелые руки... Ты же понимаешь, что было бы? И что будет, если она всё-таки в них попадет. Ты видишь Дэйю и знаешь, что может оттуда прийти. Ты должна бросить всё, Кэтриона, не слушай, что говорит тебе Магнус или Рошер, что надо искать убийцу или Зверя, слушай своё сердце. Там внутри правда, – Ребекка приложила руку к груди, – ты понимаешь, что всё в опасности. И нет ничего важнее, чем печать. А я могу тебе помочь в поисках, скажи лишь, что нужно.

Кэтриона прищурилась.

– А взамен я должна...

На лице Ребекки промелькнула отдаленная тень досады.

– Ты же можешь держать меня в курсе того, что найдешь? Минуй Магнуса. Это ведь не трудно?

Не трудно...

Она дотронулась до руки Кэтрионы своей холёной ладонью. И слушая эти слова можно было подумать, что судьба Ордена и всего мира лежит на хрупких плечах двух женщин: её и Кэтрионы.

Но Кэтриона знала – это просто эмпатия. Способность Ребекки заставлять всех вокруг думать, так как ей нужно. И верить в это. Она не боится дотрагиваться до Кэтрионы, она слишком умна и сильна, чтобы можно было прочесть её тайны одним прикосновением.

Но Магнус просил не разочаровывать её, и Кэтриона пообещала сделать всё, что она просит.

Ребекка ушла, оставив за собой запах фиалок и гвоздики и ощущение того, что комната наполнена мёдом, а Кэтриона в нём – увязшая пчела. Она вышла на воздух, присела во внутреннем дворе, обдумывая произошедшее.

Но одиночество продлилось недолго. За ней пришел послушник и отвел её к Рошеру.

– Я искал тебя, – аладир сидел за столом из тёмного дерева и что-то писал. А как только Кэтриона вошла, встал ей навстречу и указал рукой на плетеные кресла у окна.

– Садись. Я хотел поговорить с тобой кое о чём.

– О Звере, да?

– Да. Ты же понимаешь, как я теперь выгляжу? Я – Страж Севера, и столько лет ничего о нем знал! – в голосе Рошера прозвучала горечь.

– В этом нет твоей вины, кто-то заметал следы и делал это очень хорошо, – ответила Кэтриона устало. – К тому же идет война, многое списывают на зверства воюющих сторон.

– Но мы-то понимаем, что могли заметить это и раньше! Я вот что хотел... Этот Зверь... Мне нужно, чтобы ты нашла этого человека. Того, кого ты видела на постоялом дворе в Брохе. Просто узнай, кто он, а дальше я сам.

– Я должна искать печать, ты же слышал Ребекку.

– Да, но ведь печать как раз и может быть у того, кто управляет Зверем! Сама подумай: разве открытие Врат и пропавшая печать – это случайности? Или совпадения?

– Может быть. А может и нет. Это не быстро, мне нужно будет ехать на границу к Лааре, искать места, где были нападения Зверя, спускаться в Дэйю, смотреть ауру, только тогда я смогу сказать точно... А пока, всё непонятно.

– Я дам тебе людей в Брохе, в Ирхе, в Хаабхейне... что нужно – скажи.

– Только после печати.

– Послушай, Кэтриона, тут всё не так просто. Не слушай Ребекку, её заботит только то, как она выглядит в глазах коринтийской знати, королей по обе стороны моря, верховных джартов и главы Храма. А Зверь... Он убивает людей, понимаешь? А ведь мы давали клятву. Это наше предназначение – стоять на страже. Ты должна найти этого Зверя, найти с кем он связан, Кэтриона. Потом уже печать, потом всё остальное!

Она посмотрела в тёмные глаза Рошера. Его лицо всегда было грустным. Он заправлял волосы за уши, слишком большие для его маленького заостренного к подбородку лица, и тёмные кудри, падая на лоб, придавали ему сходство с каким-то странным зверем. На его синем хитоне поблескивала печать стража, и Кэтриона вздохнула, глядя на неё.

Они слишком сильно в неё верят. Да, она многое видит и чувствует, она умеет находить вещи и людей, но она не всемогуща!

– Что, если попросить кого-то из старших жрецов? Я же не одна шейда...

– Кэтриона, так глубоко в Дэйю, как ты, никто не сможет пойти, ты ведь знаешь. И я прошу тебя, не только как аладир, но и как брат, мы ведь связаны клятвой, это наш долг...

Магнус тоже брат, а Ребекка – сестра, как и все остальные...

Он ещё долго говорил о долге и клятве. И в чем-то он был прав. Она и сама думала, что пропавшая печать так или иначе связана со Зверем.

– И я хотел попросить тебя... Я понимаю, что ты служишь у Магнуса, но ты ведь можешь держать меня в курсе того, что найдешь? – спросил он негромко.

А вот это было уже даже не смешно. Кэтриона понимала, что каждый хочет быть осведомлен лучше других, понимала, что каждый из них надеется иметь в руках больше козырей, ведь магистр очень стар и скоро его место освободится, но...

Они ведь все давали клятву, не только она. О том, что будут стоять на страже до последней капли крови. А выходит...

– Хорошо.

Она согласилась. Она не станет спорить – так будет проще. А там уж как получится.

Кэтриона вышла из покоев, спустилась к морю и окунула руки в воду. Вода была прохладной.

Вода очищает и уносит чужую память.

– Как перевезти козла, капусту и волка, – произнесла она вслух с усмешкой.

Найти печать, убийцу и Зверя. И сделать это всё одновременно и как можно быстрее. И никому не говорить. Кроме Магнуса, Ребекки и Рошера. И никто не должен знать о том, что другой тоже знает...

Всех заботит что-то своё: собственная честь, мнение королей, какие-то тайны. А ей придется спускаться в Дэйю. И смотреть чудовищам в глаза. Кто-нибудь из них хоть раз видел их так, как видит Кэтриона? Впрочем, глупо ждать жалости от Ордена.

«Без любви, без жалости, без страха».

Вода вдруг вернула воспоминания...

Кэтриона тогда была послушницей всего год, шла с кувшином наверх, мысленно считая ступени. Страх уже не делал пальцы ледяными, наоборот, страх, казалось, переродился – превратился в цепкие когти на ногах, заставляя их буквально вгрызаться в шершавый песчаник.

...триста пятьдесят восемь...

Только она шагнула на верхнюю ступеньку, чья-то жилистая рука схватила её за запястье.

– Иди сюда, девочка, – костлявые пальцы сдернули с глаз повязку, – я вижу, в тебе есть Искра.

Эрионн. Старая ведьма – так называли её между собой послушники. Она перехватила Кэтриону за локоть и потащила в башню.

– ...ты уверена?

– У неё есть третий глаз, его нужно только открыть, – скрипела Эрионн надтреснутым голосом.

– Мы бы заметили Искру раньше.

– Вы не заметили, она глубоко спрятана, но я вижу...

Кэтриона слышала обрывки разговора, стоя у входа и надеясь, что её сейчас отпустят.

Не отпустили.

Сколько она провела в башне? Это время стерлось, спуталось, превратилось в серое пятно.

Боль была дикой. Она накатывала волнами и откатывалась назад, совсем как прибой. Она разрывала внутренности и пыталась пробиться сквозь голову куда-то вверх, и Кэтрионе казалось, что сквозь неё прорастает огромное дерево. И иногда становилось невыносимо настолько, что однажды она стала биться о камни головой, надеясь, что либо боль пройдет, либо она разобьет себе череп и умрет.

Эрионн была беспощадна, а третий глаз всё никак не хотел открываться.

Ах, почему она не упала со скалы с кувшином? Несколько мгновений и всё...

Её приковали цепями, чтобы она не навредила себе. Она кричала, выла, плакала, просила, умоляла, угрожала...

Всё было бесполезно. А в ушах до сих пор стоял голос старой ведьмы:

Не сопротивляйся, девочка.

Она и не сопротивлялась. Она бы сделала, что угодно, но не знала, как.

Цепи истирали руки и ноги до костей, и каждый день послушницы Адды накладывали на эти места заживляющие повязки, стараясь не глядеть ей в глаза и не слушать её мольбы.

А боль всё не отпускала...

Боль была страшным зверем, живущим где-то внутри, и иногда, в редкие моменты ясности сознания, ей казалось, что Эрионн и есть этот зверь, который проникает в её голову и разрывает её когтями.

Однажды ей удалось разбить глиняную миску и спрятать кусок от неё с острым краем. А когда все ушли, она сделала глубокий надрез на руке и с облегчением почувствовала, как затуманивается сознание, и вместе с кровью утекает и боль.

Но её спасли. И больше не оставляли одну.

Её заставляли пить тёмное варево и чертили на лбу какие-то знаки, и боль возвращалась снова.

– Всё ещё сопротивляется?

– Да.

– Откуда в ней столько силы? И так глубоко?

– Не знаю.

– Увеличь дозу.

– Она может умереть.

– Если она не пройдет путь до конца, она и так умрет, так что увеличь дозу.

Голоса приходили и уходили, и каждый раз они хотели, чтобы она сдалась. Она бы и сдалась, если бы знала, как. Вареву, которым её поили, приносило всё новые и новые муки,

её выворачивало наизнанку, и она не могла даже есть. И это было хорошо. Значит, ей недолго осталось.

Время шло, и она уже редко приходила в себя, и однажды Эрионн принесла камень, приложила его ко лбу Кэтрионы со словами:

– Больше я ничего не могу сделать.

А потом нахлынула боль, с треском разрывая остатки сознания, и Кэтриона вдруг провалилась куда-то в темноту и увидела...

Он был красив. Белоснежная шерсть, отливающая инеем, глаза – кристаллы самого синего льда, и алмазные клыки, острые, как кинжалы. Когти. Хрустальные когти длиннее её пальцев. С клыков капала слюна, а холод, льющийся из глаз, казалось, заставлял каменеть даже огонь. И она не видела ничего красивее и страшнее этого зверя. Она вскрикнула и бросилась бежать, но хрустальные когти успели задеть её спину.

Она очнулась.

Дёрнулась с такой силой, что вырвала из стены железный крюк, на котором держалась цепь, и увидела, как кровь льется на пол. Когти прошлись по спине и плечу, и даже бедро располосовали почти до колена. И было больно.

Но боли, той дикой боли, что раньше разрывала её на части, больше не было. И лишь только зуб на зуб не попадал от страха.

В тот день она снова вышла на солнце, тощая девочка, едва передвигавшая ногами, она держалась за стену, и сил ей хватило лишь дойти до каменной скамьи у входа в башню. Но послушник, которого поставили за ней присматривать, высокий юноша, гораздо старше неё, он назвал её «джарти», а это было обращение только к посвященным рыцарям.

С того дня её перевели в Первый круг, и обучением Кэтрионы занялся сам Магнус – только что назначенный старшим аладиром Ордена из крыла Сов.

От воды тянуло прохладой, и она поёжилась.

Не стоит ждать жалости от Ордена.

«Без любви, без жалости, без страха». Это не только его девиз, это то, во что Орден превращает каждого, кого не убила каменная лестница, бесконечные тренировки, варево Эрионн, чудовища Дэйи или людская ненависть. Им нельзя любить. Нельзя привязываться. Нельзя жалеть. И бояться тоже. Потому что они – стражи. Рыцари Ирдиона, что стоят на границе миров.

А кто-нибудь спрашивал её – хочет ли она быть стражем? Она этого не знала. У каждого, кто принес клятву, Орден забирает прошлую память.

Она вытащила руки из воды.

Что ж, она и впрямь начнет с убийцы Крэда, а там как получится. И, пожалуй, лучше поскорее убраться из Ирдиона, пока ещё кто-нибудь не пришел с просьбой держать его в курсе событий.

Что там говорил Магнус? Бал невест? Розовое игристое вино, копченые угри и клубника в меду... Что ж, невестой ей быть ещё не приходилось. Может стоит попробовать?

Глава 6. Наваждение

Воспоминания похожи на хлопья снега...

Или на пепел...

Они падают откуда-то сверху и ложатся медленно, слой за слоем, выстилая гладкое поле, сотканное из тысяч кусочков: эмоций, событий, лиц, поступков...

С годами под тяжестью бесконечно летящих хлопьев нижние слои становятся всё тоньше и тоньше, проседают, вдавливаются друг в друга, искажая старые воспоминания, путая и переплетая их, до тех пор пока они не исчезнут совсем. И глупо надеяться, что она сможет увидеть что-то из того, что случилось больше десяти лет назад. Но Магнус настоял, и на рассвете, перед тем, как уехать в Рокну, Кэтриона снова пришла в башню.

Сквозь узкие окна сочился свет раннего утра, солнце едва показалось из-за горизонта, и где-то вверху на противоположной стене рассыпались мозаикой розовые квадраты света, преломленного стеклом.

Она закрыла глаза и, сведя над печатью руки, осторожно погрузилась в Дэйю.

Дэйя – ничейная территория. Ещё не Нижний мир и не сон, но уже и не реальность. Граница. Сумрачные поля, покрытые серой травой – снизу туман, сверху облака, и не понятно где кончается одно и начинается другое. Нити событий и хлопья воспоминаний, чьи-то ауры – движущиеся тени, пятна света от всплесков магии и чернота от пробоев. Дэйя похожа на карту. Нужно только уметь её читать.

А ещё... там она не одна.

В Дэйю спускаются не только такие, как Кэтриона, туда поднимаются и те, кому тесно в Нижнем мире. И лучше с ними не встречаться.

Первое погружение Кэтрионы, тогда, когда Эрионн поила её своими чёрными зельями, чуть не стоило ей жизни. Замешкайся она тогда хоть на мгновение и хрустальные когти прекрасной твари разорвали бы ей горло.

Печать была погружена в сон. В сумрачном свете Дэйи она была похожа на огромную дверь со старыми ржавыми засовами, в паутине и пыли. Дверь, которой никто не пользовался тысячу лет. В Дэйе всё выглядит символично, вернее, так, как ты сам себе это представляешь, и воображение Кэтрионы создало из печати дверь. Вокруг неё слабо дрожал голубоватый свет, просачиваясь сквозь старое дерево.

Она осторожно её коснулась.

Воспоминания начали разворачиваться, как лепестки цветов. Одни и те же лица мелькали, сменяя друг друга: послушники, аладиры, магистр... Она погружалась глубже и глубже, перебирая день за днем, месяц за месяцем. Менялся свет вокруг, времена года, и в какой-то момент она видела печать целиком – четыре лепестка, а потом одного из них просто не стало. И больше никаких следов.

Кто-бы ни взял печать, он умел оставаться незаметным. Ей придется разочаровать Магнуса и Ребекку. Она действительно не знает, с чего начать поиск.

Кэтриона открыла глаза. Бессмысленно пялиться в серый туман и бродить вокруг молчаливой двери. Хотя, можно попробовать кое-что новое. Она подсмотрела это у одной старухи – древнее таврачье волшебство.

Поисковая нить.

Так тавраки находят отбившийся от стада скот. Вещи и животные, да и люди, которые были рядом друг с другом достаточно долго, остаются связанными ещё некоторое время и по этому следу их можно найти. А лепестки печати были связаны не одну сотню лет. Возможно, у неё есть шанс. Маленький, но почему бы не попробовать?

Тавраки всегда делали нить из конского волоса, и Кэтриона прихватила с собой пучок из гривы её новой лошади.

– Ну что же... посмотрим.

Когда она закончила, колокол на башне прозвонил один раз, возвестив сбор послушников у колодца. Кэтриона проколола палец, и капля крови упала, скрепляя и оживляя нить. Она сжала её в ладони – тепло...

Получилось!

Куда приведет эта нить – неизвестно, но пока это единственное, за что ей удалось зацепиться.

На выходе из башни она остановилась и посмотрела на море. Утро уже было в полном разгаре. Вереница послушников в полотняных одеждах с кувшинами на головах длинной гусеницей ползла по ступеням мимо башни на вершину горы к главному саду.

Кэтриона окинула взглядом их, белесую дымку облаков над горизонтом, чахлые деревца олив за стенами Большого Двора и пошла вниз по лестнице. Она, как ласточка над обрывом, легко скользнула по самой кромке ступеней, в то время как послушники со своими кувшинами жались к стене. Под ней пропасть такая, что захватывает дух, но ей не страшно – эта лестница пройдена ею столько раз, что смотай ее путь в бечеву, хватило бы от Эддара до Скандры.

Она спрятала нить в кулон и направилась к Магнусу попрощаться. Когда она вошла, он что-то писал, быстро и сосредоточенно. И в этот раз, как ни странно, расщедрился:

– Что тебе понадобится в Рокне? – спросил, не отрывая взгляда от письма.

– Просить, что угодно?

– В пределах разумного, – ответил он, продолжая писать.

– Деньги. Карета. Платье.

Магнус поднял голову и усмехнулся криво, одним уголком рта.

– И это всё, что тебе нужно, чтобы спасти честь Ордена?

– Сквородку я добуду в бою, – усмехнулась она в ответ.

– Возьми, – Магнус протянул ей свиток, – это письмо к нашему покровителю в Рокне, князю Зэфери Тékла. Он поможет тебе, даст всё, что нужно. А я буду ждать хороших новостей.

– Надеюсь, что они будут.

* * *

Этой ночью Рикарду приснились змеи. Ашуманский обряд посвящения.

Он снова стоял в центре ямы и молчаливый хитт с глазами, густо подведенными черным, бросал их вниз одну за другой: сначала обычных серых гадюк, укусы которых, конечно, болезненный, но не смертельный, затем щитомордников с чёрными пятнами на грязно-желтой коже, огненных змей с яркими красными полосами...

Они извивались, ползли, кусали друг друга, а невозмутимый хитт всё бросал и бросал их сверху, последней была кобра – убийца змей. Она раздувала капюшон и покачивалась, обнажив острые зубы, а затем нападала, убивая всех: щитомордников и гадюк, гюрзу, эфу, полоза...

А Рикард стоял неподвижно в центре ямы. Замерев, опустив щиты, погасив малейшие колебания. Думая только о словах наставника.

Ты должен стать камнем. Змея никогда не укусит камень.

Когда он только начинал обучение, они его кусали. И каждый раз он корчился в муках, а наставник давал ему противоядие – ровно столько, чтобы он не умер, но чтобы всё чувствовал. Так в Храме Ашша – Бога Ночи – тренировали осторожность. Со временем тело привыкло к яду. К любому, кроме яда ашуманской королевской кобры.

В этот раз в яме он не боялся и стал камнем, как его и учили. И перестал им быть, когда кобра расправилась с остальными. Тогда он снова стал человеком и напал. И выбрался из ямы

с головой королевы змей. В тот день он прошел обряд посвящения. Он стал и́чу – ашуманской тенью, слугой Бога Ночи.

А сегодня змеи вернулись к нему во сне, и одна из них, желтая с черными глазами, укусила его за ногу.

– Проклятье! – он рывком сел на кровати и, уже вонзая кинжал в матрас понял, что это сон, и змеи никакой нет.

Просто ногу свело судорогой, и она болела в том месте, куда его ткнула бариттой позавчерашняя ночная гостья. Альбукер, конечно, кудесник, от его мази рана уже почти затянулась, покрывшись розовой пленкой свежей кожи. Да и тело Рикарда восстанавливалось быстрее, чем тело обычного человека. Не зря же он провел в храме Бога Ашша почти десять лет.

Но в душе он всё ещё чувствовал злость, и весь вчерашний день пытался ходить из угла в угол, хоть Альбукер ему и запретил вставать на раненую ногу. С убийством Крэда он потерял след, и эта женщина не выходила у него из головы.

– Не торопился бы ты, нога ещё должна зажить, – буркнул таврак, глядя, как Рикард собирается.

– Я уже здоров и почти не хромаю, – отмахнулся он от ненавязчивой заботы.

– К ужину ждать или как обычно? – невозмутимо спросил Альбукер из кухни, раскуривая кальян.

– Это уж как пойдет, – усмехнулся Рикард в дверях, – сегодня я должен получить кое-какие ответы. А ты приготовь мой фрак – завтра маскарад, и я собираюсь его посетить.

Завтра Найд обещал представить его королеве. И этого дня он ждал с нетерпением.

Бордельный пес оказался неразговорчив. И даже после того, как в его кошелек перекечало несколько монет, он говорил неохотно и как-то с опаской. Посетителей ещё не было, служанки мыли полы, стучали палками по развешенным на коновязи коврам и расставляли в вазах свежие цветы. А пес сидел на камне поодаль и полировал свой ятаган.

– Женщина? – повторил он, словно не понимая, о ком идет речь.

– Да, женщина, высокая, стройная, в мужском платье, – Рикард был терпелив.

Он видел, что пес знает больше, чем хочет рассказать, и стоило бы взрезать ему, чтобы развязать язык, но было нельзя. И он уронил ещё одну монету.

– Была тут позавчера одна. Бродяжка. Забралась через окно кухни, еду украла и две сковороды, а потом убежала. Полоумная, видать. Распугала всех лошадей.

– Две сковороды?

– Ага.

Рикард засунул руки в карманы.

– Никто её раньше не видел?

– Нет, милорд, говорю же – безумная она, ударила одного из гостей, посуду побила.

– А что мистресса говорит?

– Мистресса была недовольна, – буркнул пёс.

Толку от тебя!

Рикард обошел дом, разглядывая беленые стены и кованые решётки балконов второго этажа.

Залезла в окно кухни? Интересно, каким это образом? Если только она не змея с черными глазами...

Окно кухни было забрано решеткой.

Рикард вошел внутрь, расположился на диване, обитом красным бархатом, и велел служанке позвать мистрессу.

Тайла появилась в шелковом утреннем платье, причесанная, накрашенная, благоухающая духами, от которых у Рикарда зачесался нос – настолько приторными они были, и улыбнулась обольстительной улыбкой.

– Столь ранний гость... Но мы удовлетворяем любые потребности. Чего желает милорд?
– Мистресса Тайла, при всем уважении, но меня привели сюда совсем иные потребности, нежели те, которые удовлетворяет ваше заведение, – он кивнул ей церемонно.

– Какие же? – она присела на край кресла, и в разрезе платья показалась обнаженная до колена нога.

– Женщина из вашего заведения похитила позавчера мою лошадь, и я желал бы её вернуть.

– Одна из моих девушек украла вашу лошадь? – удивление Тайлы было почти искренним. Почти.

Но она стала теребить пальцами кружево на рукаве.

А ты лжешь...

– Да. Убегала от вас со... сковородками. И взяла мою лошадь. Вы же понимаете, что вашему заведению стоит лучше заботиться о безопасности своих гостей. Пойдут слухи... Посетителей станет меньше, – Рикард улыбнулся холодно.

– Милорд, я готова компенсировать вам ущерб: мои девушки – в любое время...

– В данный момент меня не интересуют ваши девушки, мистресса Тайла, я бы хотел просто получить обратно свою лошадь.

– Сколько? Я заплачу.

– Я бы хотел получить плату с виновницы этого происшествия.

Тайла моргнула и прищурилась лишь на мгновенье, но Рикард заметил её растерянность. А ещё запах.

Страх. Это был страх.

– Милорд, если бы я знала виновницу! Но это была какая-то воровка или бродяжка, наш пёс уже наказан. Так что могу лишь предложить вам компенсацию от своего имени.

Рикард встал.

Он не будет ей угрожать. В свете недавнего происшествия не стоит привлекать к себе внимания, мало ли что она может сказать Тайной страже. Пока бордель пополняет налогами городскую казну, Тайная стража будет на стороне мистрессы. К тому же у таких заведений всегда есть тайные совладельцы, которым дорогу лучше не переходить.

– Хорошо. Когда мне... или моим друзьям понадобятся ваши девушки – я дам знать.

– В любое удобное для вас время, – она снова улыбнулась ему, но улыбка вышла неискренней.

Значит, Тайла её знает. Боится её? Возможно. Учитывая, как та женщина владела оружием. А значит, женщина эта вовсе не бродяжка и воровка. Хотя воровка – да, но, скорее всего, это очень искусная воровка, охотница за чужими тайнами, и она служит кому-то, кто хорошо платит ей за эти умения. И, возможно, Тайла боится её нанимателя.

Позавчера здесь была Гильдия оружейников и Сумрачные псы. Пожалуй, нужно потолковать с Найдом, он знает кое-кого из них...

* * *

Дом князя Зефери Текла находился в Верхнем городе. Среди тенистых аллей и чистых улиц, вымощенных камнем. Высокий забор, увенчанный поверху кованой решеткой, и тяжелые створки ворот с гербом рода – на золотом блюде выгнувшая спину болотная рысь, каких много водится среди камышей в заводях таласских рек. И у входа два охранника в чёрных тюрбанах и кушаках, с ятаганами на поясе – Песчаные псы.

Дорого платит таласский князь за свой покой.

Внутренний двор в тени деревьев, посередине фонтан, и массивные колонны поддерживают большой балкон второго этажа, уставленный пальмами в кадках. Внутри дом просто пора-

жал своим богатством, особенно золотом. Вернее, его количеством. Посуда, статуи, даже ручки на дверях были золотыми.

Кэтриона усмехнулась.

Не удивительно, что он покровитель Ордена. При таком богатстве следует бояться колдовства со стороны соседей.

Сам князь был уже в годах. Высокий, подтянутый, хоть и наполовину седой, он не производил впечатления старика. И взгляд его глубоко посаженных серых глаз был цепким. Неприятным. Он неторопливо спустился по лестнице навстречу Кэтрионе, взял свиток, который передал Магнус и прочитал его внимательно. Взглянул на Кэтриону оценивающе и махнул рукой слугам.

– Увидите снова Магнуса, передайте, что я рад быть полезным Ордену.

Только и сказал.

Немногословен.

Слуги заметались. Приготовили ей комнату, ванну и накрыли стол. И одна из служанок сказала, что к вечеру придет женщина, которая займется её подготовкой к балу.

Сам Бал невест Кэтриона решила пропустить. Пока след ещё свеж, ей нужно навестить дом Крэда, раз уж поимка убийцы так важна для Магнуса. Завтра маскарад, и королева будет именно на нём, так что она успеет осмотреть её свиту и завтра. Приняв ванну и быстро расправившись с обедом, она поехала в город в поисках хороших новостей.

Но первая новость, которая ждала Кэтриону, оказалась плохой.

Запах гари она услышала уже на перекрестке, и нехорошее предчувствие не обмануло – за кустами мирта, где она позавчера сражалась с убийцей, её встретило пепелище. От дома остался лишь остов первого этажа, выложенного камнем. Сгорело всё, включая пристройки и сараи, и даже странно, что огонь не перекинулся на соседние дома. Пепелище ещё сочилось слабыми струйками дыма, и несколько человек бродило с палками, вороша кучи золы в поисках, видимо, чего-нибудь ценного. И лишь печные трубы, чёрные от копоти, стояли, среди пепла, словно скорбные стражи.

– Что произошло? – спросила она женщину в длинном сером переднике.

Её глаза были красны от слез, а лицо измазано сажей. Рядом, опираясь на палку, стоял старик и девчушка лет восьми.

– Вчера, на закате уже, всё как вспыхнуло, – женщина всхлинула, – и уж горело... так, будто дом кто хворостом обложил. Враз... всё и сгорело, – она вытерла глаза передником.

– Это всё из-за колдуна проклятого, что жил тут над аптекой, – добавил старик.

– Колдун? – спросила Кэтриона удивленно.

– А я говорил, что это дело рук ирдионских собак!

– Тише ты! – шикнула женщина на старика. – Болтаешь такое вслух! На костер захотел? Старый дурень! Кабы они сожгли! Они только к обеду сегодня приехали!

– Ну а кто кроме храмовников мог такое запалить? Собаки! – старик плюнул на землю. – А колдуна этого твоя сестра на постой пустила! Да всё одно – убили его.

– И кто его убил? Кого-нибудь поймали? – спросила Кэтриона, закусив губу от досады.

Надо было остаться тогда в городе!

– Нечто поймаешь их, нетопырей этих, – ответил охотно старик, – сам он их и привлек своим колдовством, где это видано, чтобы люди так по стенам лазили!

– Так вы его видели? Убийцу?

– Двое их было, – старик подошел поближе, шуря на солнце подслеповатые глаза, – мужик и баба. Может ограбить хотели, может ещё чего... Да только они чегой-то не поделили видать, подрались, и баба убегла вперед. А мужика едва Тайная стража не поймала. Но... не поймала.

Он развел руками.

– А что храмовники сказали?

– А ничего. Посмотрели на пепелище, да только их и видели.
Кэтриона тронула лошадь и отъехала в сторону.

Значит, она действительно спугнула убийцу. И он оставил что-то важное, что привело бы к нему. Вот поэтому он вернулся и поджёг дом. А пока она доехала в Ирдион, пока дошла весть в Рокну – а сегодня уже поздно, все следы уничтожены огнем...

– Чтoб тебя! Да, кто же ты такой? – произнесла она вслух.

Самая лучшая возможность взять след была потеряна. Теперь придется искать аптекаря, обходить карточные турниры или наведаться к Сумрачным псам, а вот последнего ей хотелось меньше всего.

* * *

– Ваше величество, – Найд Джирарра поклонился, снимая маску, и вошёл в ложу королевы.

Маскарад был в самом разгаре.

– А, мой драгоценный Найд! Ты очень кстати! Очень! – королева прохаживалась вдоль балкона, хлопая веером по ладони.

Разглядывала кружащиеся внизу пары и руку для поцелуя подала не сводя глаз с разноцветной толпы.

Она расстроена. Или зла. Или расстроена и зла одновременно, и это плохой знак.

Найд замер у бархатной портьеры в почтительном полупоклоне. Он ожидал приема уже больше часа и видел всех, с кем королева успела поговорить. Князь Рокны, канцлер Вальфред и его брат, Биржил – кузен королевы, некто неизвестный в маске с птичьим клювом и огромном воротнике из рыжих перьев, а потом генерал Альба. Последним был запыхавшийся гонец, из тех, кого допускают в покои королевы почти без доклада, и он очень торопился.

А ведь приехала она в хорошем расположении духа. И Найд поставил бы на генерала и неизвестного с птичьим клювом. Ну и ещё на гонца. Видимо, плохие новости привез ей кто-то из них.

– У меня есть для тебя одно... вернее два, очень важных дела, Найд, – она обернулась, серебряные звёзды вспыхнули на лиловом шёлке её платья, – мне нужны двое из твоих ичу – два надежных человека.

– Один из них как раз дожидается того, чтобы быть вам представленным, – снова поклонился Найд.

– Это хорошо. Насколько он надежен?

– Я ручаюсь за него, ваше величество. Это не человек – тень и надежный слуга Ашумана. Какого рода будут дела?

– Доставить кое-что. И убрать кое-кого с дороги. И второе нужно сделать, не оставив следов.

– Только скажите, Ваше величество, и всё будет сделано, – Найд поклонился, прикладывая руку к сердцу.

– Ну что же, зови, – она снова улыбнулась.

Найд скользнул на носочках, выглянул на лестницу и махнул рукой Рикарду.

– Идём!

Рикард поправил маску, одёрнул фрак. Представление королеве – он давно этого ждал. Вошел в ложу и поклонился.

А она меньше ростом, чем он всегда себе представлял. Хрупкая женщина в лиловом шелке и с черной маской на лице. Чудесная улыбка. Она подала ему руку для поцелуя, и он, склонившись, поцеловал с почтением.

– Рикард... Адаланс, к вашим услугам, – каждый раз он медлил, прежде чем произнести эту придуманную фамилию.

Каждый раз неммым укором перед ним вставал символ его дома – белый журавль в золотом колесе. Род Азалидов. Род, навсегда вычеркнутый из летописей Талассы.

– И как же ты готов служить... Рикард... Адаланс? – она смотрела на него внимательно и глаза её были черны, как ночь.

Он отпустил руку в атласной перчатке, достал из кармана фрака монету и протянул её королеве. Старую, покрытую зазубринами и истертую от времени: на одной стороне солнце, на другой – луна и узор из ашуманских змей по краю.

– Однажды в храме прекрасная незнакомка дала юноше эту монету, в час, когда у него не было больше надежды. И она дала ему эту надежду в долг. Она дала ему цель...

Монета легла на раскрытую ладонь королевы.

– ...а теперь я хочу вернуть этот долг и послужить, как посчитает нужным Ваше величество.

Он снова склонил голову.

Королева улыбнулась, сжимая ладонь и пряча монету в кулаке, и у Найда отлегло от сердца. Впервые за эту встречу её улыбка стала тёплой и искренней.

– Я помню тебя, Рикард... Адаланс. И я рада, что ты нашел свой путь той ночью. Значит, Ашш был добр к тебе... И ты хочешь вернуть долг? Ну, что же...

Когда аудиенция закончилась, Найд остался, а Рикард вышел на лестницу, чтобы спуститься в зал.

Это было странное чувство. Сегодня ему показалось, что круг завершается. Осталось совсем немного – и он навсегда расстанется с прошлым. Он вернет долг королеве и закончит то, в чем поклялся себе много лет назад той самой ночью в храме. И тогда, наверное, он станет свободен. Навсегда разорвет нить памяти, которая душит его, как петля. И уедет куда-нибудь...

Рикард взял бокал вина, раздумывая над странным заданием королевы и разглядывая то, что она ему дала – кольцо с тёмным камнем на котором был высечен лист клевера. Она просила его поспешить, и он поспешил, но... у него осталось ещё одно дело здесь. Дело, которое, увы, за два дня так и не сдвинулось ни на шаг.

Он должен найти ту женщину. Правда, все его усилия пока не увенчались успехом. Найд свел его с одним из псов, но кроме проклятий в адрес шлюхи со сковородками ничего вразумительного сумрачные костоломы сказать так и не смогли.

Сумасшедшая. Бродяжка. Безумная. Воровка. Шлюха...

Всё это было не то. Псы не знали кто она такая на самом деле. И в ненависти своей были совершенно искренни.

А у Рикарда в голове остался совсем другой образ.

Быстрая. Ловкая. Гибкая, как кошка. Бесстрашная. Дерется отчаянно и вполне профессионально. Почему она украла лошадь, тут же направилась Крэду и обчистила его? Но при этом назвала Рикарда убийцей и набросилась? Кто ей этот Крэд? Кто она такая? Быть может, она служит Ирдиону? Если так, то он убьет её без всяких сожалений. Но едва ли она служит Ордену. Стала бы она красть тогда их бумаги, прятаться в борделе и бить сковородой командора Сумрачных псов. Скорее, у неё с убийцами – с настоящими убийцами – один общий наниматель, потому что убивать поручают одним, а забирать нечто ценное другим – доверенным лицам.

Вот и сейчас королева поручила ему забрать нечто ценное, а убийство, как он слышал краем уха её разговор с Найдом, поручат кому-то другому.

Быть может, она тоже служит королеве? Это бы кое-что объясняло. У королевы не слишком хорошие отношения с Ирдионом. Нужно выяснить это у Найда, хоть он и не любит рас-

пространяться о таких вещах. Но Найд знает всех ичу, таких как Рикард, тех, кто тайно служит королеве и находится в тени. Пожалуй, он его дождется.

Он спустился по лестнице и остановился на нижней ступеньке. Мимо проносились пышные юбки, шлейфы и обрывки серпантина. Музыка и смех окружали со всех сторон. Он отхлебнул вина...

Шагнул со ступеньки в зал и чуть не поперхнулся.

Духи.

Этот запах почти сбил его с ног. Цветущие груша и апельсин. Тот самый запах. Он чётко уловил его посреди какофонии ароматов маскарада.

Рикард обернулся, посмотрел по сторонам, разглядывая калейдоскоп танцующих пар, и пошел на запах, как гончая, куда-то сквозь толпу, мимоходом поставив бокал с вином в цветочный горшок и расталкивая гостей.

Да не может этого быть!

Но это должна быть она! Хотя нет. Это не могла быть она! Не бывает таких совпадений! Да и что ей здесь делать? Но в то же время...

Она стояла к нему спиной в платье цвета вишни. Стройная и гибкая, как лоза, тёмные волосы забраны вверх, обнаженная спина, плечо прикрыто украшением из черных перьев. Он выхватил её взглядом из толпы, понимания в одно мгновение – он не ошибся. Чутьё его не обмануло...

– ... я очень признательна... ах, вы так остроумны... Да? Вы полагаете?

Рикард прошел совсем рядом, судорожно втягивая ноздрями аромат. Это точно она. Этот голос... Оглянулся – верхнюю часть лица женщины скрывала кружевная чёрная маска.

Карие глаза, красивые губы и улыбка... мимо которой нельзя пройти.

Нарядный хлыщ – по виду сын купца, метящий в высший свет, стоял перед ней, говоря что-то о ценах на шерсть и кораблях. Он наклонился к её лицу слишком близко и поддерживал за обнаженный локоть. А она улыбалась ему так мило и так неискренне, и видно было, что ей плевать на него и его болтовню. Хлопала веером по руке – он ей надоел.

– ... неужели? Это очень интересно!

Рикард снова прошел мимо.

Интересно? Про шерсть? Да она только что не зевает от скуки! Если бы этот хлыщ знал, как она владеет бариттой, не стал бы даже пытаться гладить её локоть.

Если это она, на плече должна остаться рана от его удара, ведь он её здорово задел той ночью.

Но то самое место на плече было прикрыто дурацкими перьями. Случайно ли? Точно нет.

Он бы свернул шею этому хлыщу, чтобы от него избавиться...

Их взгляды пересеклись, и она улыбнулась Рикарду.

Благоразумие крикнуло – не вздумай!

Но он послал благоразумие к демонам и сделал то, чего делать вовсе не собирался.

– Миледи? Вы помните, что обещали этот танец мне? – он поправил маску на лице, шагнул и поклонился, сам не понимая, чем всё это может закончиться.

Но она приняла его игру мгновенно.

– В самом деле! Я и забыла! Прошу меня простить, мы позже закончим этот разговор, – она кивнула хлыщу и протянула Рикарду руку в чёрной перчатке.

Под первые звуки кайджэнги они стали в фигуру.

– Надеюсь, вы не слишком расстроились, что я прервал вашу... ммм... увлекательную беседу? – Рикард не сводил с неё глаз, пытаясь разглядеть черты лица сквозь чёрное кружево и бархат.

А если она его узнает? Хотя... Вряд ли...

Сердце сжалось от странного предчувствия и ноздри затрепетали, впитывая её аромат.

– Милорд рассчитывает на благодарность, что избавил меня от этого зануды? – она чуть склонила голову и улыбнулась искренне и лукаво одновременно.

– Ваш взгляд красноречиво просил об этом. И я, разумеется, не мог устоять. Что такая красивая женщина делает в обществе подобных зануд?

Он пожирал её взглядом и сам это понимал, но ничего не мог с собой поделать. Эти карие глаза, и в них искры какого-то сумасшедшего веселья, длинные ресницы, а остальное... остальное скрывает маска.

– То же, что и все – ищет себе мужа, а что делает здесь милорд?

Они медленно прошли первый круг, ладони к ладоням, первая часть кайдженги – знакомство.

– То же, что и все, – улыбнулся он в ответ, – милорд ищет себе жену.

Она усмехнулась, не сводя с него глаз.

– Не слишком ли этот танец откровенен для вас, миледи? – спросил Рикард, проходя второй круг, снова не касаясь, ладони к ладоням и глаза в глаза.

– Когда милорд приглашал меня на танец, он ведь рассчитывал именно на это, так к чему сантименты?

Они шагнули навстречу друг другу. Пальцы сплелись, его рука легко подхватила её за талию. Она вдруг оказалась так близко, и он утонул в волшебном аромате её духов. Он наполнил лёгкие, едва не разрывая их, и голова закружилась, защипало в носу, словно он залпом выпил бокал игристого вина. И что-то странное, сродни опьянению, нахлынуло и понесло за собой. Как волна, накатившая из далёкого прошлого. Волна мимолетного, давно забытого счастья.

Осторожнее Рикард, это наваждение...

Это наваждение. Он уже понял. Она не так проста – умеет отражать его желания. Его настоящие желания, те которые он прячет не только от всех, но и от самого себя. Но будь он проклят, если унести с головой в прошлое это и есть его настоящее желание. Хотя это... это было волнующе, это будоражило и сводило его с ума.

– Для той, кто надеется найти себе мужа, такая откровенность может плохо сказаться на репутации, – произнес он, и голос внезапно стал хриплым.

У неё бархатная кожа, чуть покрытая лёгким загаром, изящная шея и линия плеч, и тонкая талия, на которой лежит его рука и которую почему-то хочется притянуть к себе сильнее.

– Если милорда волнует моя репутация, он мог бы не смотреть на меня глазами голодного льва и не приглашать меня на столь откровенный танец, но видимо дело все-таки не в моей репутации. Тогда в чём?

Заметила, как он на неё смотрит? Надо быть осторожнее.

У неё приятный голос, высокий, но в то же время какой-то тёплый. И Рикард прижал её чуть сильнее, чем нужно, чуть ближе, чем может позволить себе незнакомец на балу. Но это же маскарад... и сегодня можно чуть больше, чем обычно.

– А у миледи острый язык, – пальцы скользнули по спине, ощущая прохладную гладкость шелка.

– И не только, – лукавая улыбка снова вспорхнула с губ.

Ну, ещё бы! Нога до сих пор ещё не зажила после её удара!

У неё очень красивые губы. Даже если она не снимет маску, даже если он не увидит полностью её лица, он всё равно узнает её где угодно – по этим губам и улыбке. Открытой и лукавой.

Музыка медленно нарастала, вышел палмэро с барабаном и начал отстукивать ритм. Вторая часть кайдженги – огонь. И зал ожил. Мимо понеслись в бешеной круговерти пары. Маски, шлейфы, плащи и перья...

– Нас не представили, но, думаю, маскарад располагает к тому, чтобы опустить формальности. Итак, миледи, могу ли я узнать о вас немного? Кто вы и как вас зовут?

Первая фигура – они кружатся плечом к плечу, он держит её за талию одной рукой, а она – его, и этот круг снова глаза в глаза, синие против карих, и только звона клинков не слышно, так остры эти взгляды. А палмеро отбивает ритм на барабане всё быстрее...

– Меня? Э-э... Эрионн. Дочь негоцианта Ортелла из Иртана. А милорд?

– Дочь негоцианта? Хм, а милорд... милорд Кадор Аркимбал – таласский князь с золотыми приисками.

Она расхохоталась звонким переливчатым смехом, запрокинув голову.

– И что же вас так рассмешило?

Фигура распалась, и тут же их руки соприкоснулись, сплелись и вскинулись вверх. Шаг навстречу друг другу и между лицами расстояние не больше ладони, и шаг назад. И снова вперед, едва не касаясь лицами.

– Боюсь, милорд обидится.

– Милорд не из обидчивых. А ваш смех так заразителен и улыбка столь очаровательна, что это простит всё, что бы вы не сказали.

Она отклонилась назад, ушла в наклон, изгибаясь, и Рикард подхватил её за спину одной рукой, легко, делая полукруг её телом, и поднимая медленно, скользнул взглядом по глубокому открытому лифу платья, по нежной коже, по шее и подбородку до самых губ. А там снова насмешливая улыбка...

– Серьезно? Хорошо, я отвечу – милорд так странно лжет, что это меня развеселило.

– Странно? Лжёт? – воскликнул он. – О чем же лжёт? И почему странно?

И снова круг – плечо к плечу и глаза в глаза.

– Потому что голос милорда весьма уверен в том, что он говорит правду. Зато вот всё остальное говорит об обратном.

– И что же говорит об обратном?

– Будь милорд и вправду князем с золотыми приисками, то с такими манерами, – они поменялись руками и двинулись в другую сторону, – и такими красивыми глазами, милорд был бы давно и счастливо женат или думал кого выбрать из пятисот самых прекрасных и богатых девушек Коринтии. Но милорд здесь, на балу неудачниц, танцует фривольный танец с никому неизвестной дочерью негоцианта. Так что либо милорд вовсе не князь, либо не князь с приисками, либо он ищет вовсе не невесту... И это вероятнее всего, судя по танцу на который я приглашена.

Тут уже рассмеялся Рикард. Руки взметнулась вверх, и она отступила назад, удерживаемая его рукой, и закружилась, окатив ноги Рикарда волной вишневого шёлка. Он поймал её на излете, снова прижав к себе и опять сильнее, чем мог себе позволить в танце с незнакомкой.

– Для дочери негоцианта миледи слишком умна, наблюдательна и хорошо танцует фривольные танцы. И к тому же она не увешана красным золотом, как любая из купеческих дочерей на этом балу. Так что думаю, ложь была... обоюдной.

Она оттолкнулась, откинулась на его руку, и он снова поймал её в падении, и опять полукруг, и её губы снова так близко.

Зачем ей эти перчатки? Ему хотелось почувствовать её кожу, и он невзначай поднял руку вверх по талии, коснувшись ладонью оголённой спины между лопаток, и провел по ней кончиками пальцев, посылая ей свои желания.

И поймал её взгляд. Она поняла...

Демоны Аиша! Ну что же, он тоже умеет делать отражения. Ей должно понравиться...

Её глаза почти чёрные. И в них какой-то странный блеск.

Они замерли, поменяв фигуру, и заскользили дальше, плечо к плечу, держа друг друга за талию.

– К тому же, смотрины невест были вчера, – добавила она с усмешкой, – и разве милорд не нашел себе подходящей партии на вчерашнем балу? Сегодня лица скрыты масками, не боится ли милорд взять кота в мешке?

Он перехватил её другой рукой и снова они слишком близко, и её рука ложится сзади на его шею. И он совсем не против.

– Понять кто перед тобой можно не только по лицу...

– Вот как? Быть может, милорд колдун и читает ауры людей? – она снова усмехнулась.

Палмеро отбивал ритм так, что рук было не видно. Третья часть кайдженги – страсть...

Она повернулась в танце к нему спиной и прогнулась, почти упав на сгиб его локтя слева, а потом справа, запрокинула голову, и Рикард смотрел на её шею и плечо, а в голове у него кружились странные мысли...

И это не мысли даже, а одни сплошные желания...

...прикоснуться губами там, на шее, где легкие завитки волос переходят в нежную кожу, и ниже...

Он тряхнул головой, сбрасывая наваждение.

Она танцевала божественно, и Рикард едва успевал за ней, чувствуя, как болит раненая нога, но всё равно это было легко, словно он знал каждое следующее её движение. Это кружило голову, и в крови растекался огонь.

– Ауры вряд ли, но милорд неплохо читает и всё остальное, – произнес он, почти касаясь губами её уха и жадно вдыхая аромат духов и её кожи.

– Например? Что же именно во мне прочитал милорд?

– Например? Это платье цвета вина – отменного вина, которое так и хочется попробовать... и язык тела...

Она снова закружилась, удерживаемая его рукой, и провалилась в прогиб, и он поднял ее, прижав ещё сильнее, и лица оказались настолько близко, что он видел её расширенные зрачки, полные огненного безумия. И он удержал её на мгновение, так близко, ощущая, как она просто пылает в его руках...

– И тут я должна спросить: «И что же говорит моё тело?», и милорд решит, что я дурно воспитана, – прошептала она хрипло, почти в самые губы, едва не соприкасаясь с ними.

И тут же оттолкнулась, уйдя на безопасное расстояние.

А ведь он хотел убить её. Нет, сначала он хотел её допросить с пристрастием, а уж потом убить. А теперь он хочет...

Демоны Аиши! Не поддавайся, Рикард! Это обман! Наваждение! Она использует тебя, чтобы узнать то, что ей нужно!

Но он хотел. Хотел поддаваться этому странному танцу. И тонуть в этом наваждении. Это было... приятно до безумия. Это было, как лезвие ножа, по которому он шел. Мгновение – и ты сорвешься на остриё. И то, как она его дразнила... Ему нравилась эта игра. Очень опасная игра...

И уже не плечо к плечу, а щека к щеке, они кружились, и их левые руки летели свободно в танце, а правыми они держались друг за друга, и Рикард прошептал громко, почти касаясь губами мочки её уха:

– Ваше тело миледи, равно как и всё остальное, говорит о том, что вы красивая, умная, страстная и ловкая женщина, и на этом балу вы вовсе не в поисках мужа. Потому что если бы миледи захотела, муж у неё давно бы уже был... И не только муж...

Хочешь игры? Лови... Посмотрим, какие у тебя тайные желания...

Она не отстранилась, не смутилась, а лишь произнесла лукаво в его ухо:

– Воспитанной леди полагается соорудить оскорбленную мину и прервать этот двусмысленный разговор, но дочери негоцианта многое прощительно, так что сочтем это за комплимент моей красоте и уму. Впрочем, тело милорда тоже весьма красноречиво.

Отражение вернулось и ударило куда-то по ребра...

Сменив фигуру танца, они снова оказались лицом к лицу.

– И о чём же оно вам говорит? – прошептал он, чувствуя, что воздуха в легких почти не осталось.

– Я бы сказала, что милорд дышит так, словно прибежал сюда из самой Талассы, и можно было бы подумать, что это танец слишком быстрый для изнеженного тела князя с золотыми приисками, но дело, конечно же, совсем не в этом. Хотя, возможно, милорду просто понравились мои духи? И поэтому он так жадно вдыхает их аромат? И я бы ещё подумала над этим, если бы милорд не прижимал меня к себе так недвусмысленно, не оставляя места сомнениям на счет его намерений...

Она оттолкнула его – глаза почти безумны, грудь вздымается так, будто это она бежала сюда из самой Талассы. Отступила на шаг и присела в реверансе.

А он почти задыхался, смотрел на неё, и его затопило явственное ощущение прошлого, стоящего у него за спиной.

Она думает, что играет с ним...

А он хочет этого, как мальчишка...

Он ведь собирался её убить...

И этот запах её духов... На него вдруг обрушились воспоминания, из той жизни, о которой он заставил себя забыть. Он отчётливо вспомнил, как мама ругала его за то, что он дрался с сестрой.

– Рикард! Разве можно бить женщин? Ты же будущий таласский князь! Наследник рода Азалидов! Поднять руку на женщину! Ты меня огорчаешь.

– Она не женщина, мама, она демон в юбке!

– Нельзя поминать демонов вслух, сынок. Это грех. Мужчина должен быть опорой для женщины, защитником дома, хозяином и покровителем для слуг, разве будут они тебя уважать, видя, как ты lupишь свою сестру полотенцем?

– Она утопила мою саблю в пруду, и плащ измазала вишней!

– Это была кровь, ты же был ранен, – бормочет сестра, притворно потупив глаза.

– Женщины иногда несносны, мой мальчик, но это не значит, что их нужно бить полотенцем.

И эта картинка мелькнула так ярко, и стало так больно...

Почему ему вдруг это вспомнилось?

Эрионн и его сестра. Она чем-то её напомнила.

Ни чем-то. Всем! Он только сейчас это понял.

Та тоже была очаровательной и вредной, и совсем не леди. И хоть была младше, но умела лазить по деревьям и драться не хуже любого мальчишки. Врать, не смущаясь. Не бояться боли. И говорить гадости. Он даже научил её сражаться на бариттах. И мама всегда принимала её сторону. Возможно, поэтому. А может, это всё её духи, они тревожат душу, возвращая старую память из тех времен, которые вернуть нельзя. Но на самом деле он просто видит то, что хочет видеть.

Наваждение.

Она выкрала его воспоминания откуда-то из глубин сердца и швырнула ему в лицо. Она умеет делать отражения, и зацепила его прошлое, словно нить вязаного платка, потянула за собой, распуская, и он уже не мог остановиться, вспоминая и вспоминая...

Ведь он хотел всё забыть. Он кропотливо строил каменную стену между собой и тем временем, когда был счастлив, и за последние годы в этом даже преуспел. Он уже не помнил

их лиц – отца, матери, сестры. Он не хотел помнить. Потому что память – это мучительно. Это невыносимо больно. И лучше, если бы этой памяти у него не было вовсе. И только что, выйдя от королевы, он подумал, что скоро станет свободен от воспоминаний.

А она ворвалась в его мир со своими духами и смехом, и теперь нить разматывается, а сердце снова начинает кровоточить.

Рикард кивнул коротко, поблагодарив за танец, развернулся резко и пошел через зал.

Он найдет её позже. Когда схлынет очарование момента, это наваждение и память, и так некстати накотившее желание. Когда он снова станет холодным и бесстрастным. Ичу. Тенью. Слугой Бога Ночи.

Не здесь, не на балу. Позже. Он получит от неё ответы.

Ему было жарко, не хватало воздуха. Он стянул галстук и вышел на террасу, спустился вниз, туда, где начинались стриженные аллеи парка из падуба и туи, и остановился у мраморных перил. Мир поплыл перед глазами. И это было не из-за танца. Это было...

Демоны Аиша! Она же его отравила...

Он почувствовал, как слабеют колени и дрожат руки, а огни светильников множатся и расплываются. Откуда-то сзади пахнуло знакомым ароматом: цветущая груша...

– А ты думал, я не узнала тебя, дружок? – раздался голос над самым ухом.

Ответить он не успел, только почувствовал, что падает, и боль от удара о камни.

А дальше мир погрузился в черноту.

Глава 7. Сны и воспоминания

Первым вернулся слух.

Шум. Голоса. Стук колес по мостовой. Покачивание. И он полулежит на сиденье, прильнув к стенке кареты. Руки связаны.

Демоны Аиши!

Он стал камнем. Не шевелился, дышал тихо, так, словно всё ещё был без сознания. Медленно приоткрыл правый глаз.

Темно.

Открыл и левый. Через некоторое время вернулось сумеречное зрение, и он разглядел карету, обтянутую внутри атласом, кожаные сиденья с бархатными подушками по бокам. Плотные шторы были задернуты. И рядом с ним сидела женщина.

Эрионн?

Впрочем, ошибки быть не могло. Те же духи. Его руки связаны её шелковым поясом. И она везет его куда-то. За окнами шумит карнавал, взрываются фейерверки, город пьян и веселится. Он вспомнил сон со змеями.

Вот к чему всё это было!

Надо сказать спасибо наставнику – яд его не убил. Вернее, он и не должен был его убить, только обездвигнуть, погасить сознание. Так и произошло. Только прекрасная и коварная Эрионн не знала о том, что у него совсем иная чувствительность к ядам.

Руки и ноги вновь налились силой. А голова злостью. Даже не злостью – плохо контролируемой яростью.

Вот теперь он точно её убьет. Без сожалений.

Благоразумие шептало – подожди! Карета остановится, выпрыгнешь и ускользнешь. Найдешь её потом, когда позиция будет удобней.

Но он второй раз за день послал благоразумие к демонам. Не стоило ей ворошить потухшие угли прошлого...

Он осторожно, очень медленно, вытащил пальцами короткое лезвие из рукава фрака. Ему связывают руки не впервые, так что в каждом предмете его гардероба есть местечко для такого инструмента.

Чтобы перерезать горло, лезвия будет маловато, но вот задушит он эту стерву с удовольствием.

Как там она его назвала? Дружок? Очень смешно...

Шелк разошелся, освобождая руки, и Рикард бросился коброй, молниеносно сжав шею коварной Эрионн в локтевой захват, и потянул на себя, что было сил. Она лишь рыкнула что-то, и тут же в ответ её локоть вонзился ему под ребра. Раз, другой, третий...

Удар был отчаянным и сильным.

– Зараза!

Она оттолкнулась ногами от стенки кареты, опрокинула Рикарда на спину, и едва он ослабил хватку, вывернулась, как ящерица, и впиалась зубами ему в горло.

– Проклятье! – он прокричал самые немыслимые ругательства и, схватив её руками за шею, принялся душить. – Я убью тебя!

Только вот ярость плохой помощник в таком бою.

Она едва не выцарапала ему глаза, впившись в них пальцами. Они повалились на пол между сиденьями, и Эрионн оказалась сверху. Набросила ему на голову одну из своих многочисленных юбок и продолжила душить, обматывая ловко ткань вокруг шеи. Позиция была неудобной, с двух сторон Рикарда сжимали сиденья кареты. Он саданул ногами дверь, и та распахнулась. А затем прохрипел ашуманскую тавру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.